

ГАМИД АМИРОВ

МОРСКОЙ ВОКЗАЛ

ТЕНЬ БРАТА

Гамид Амиров

Тень Брата

«Издательские решения»

Амиров Г.

Тень Брата / Г. Амиров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505875-1

Интригующая история двух братьев берет свое начало в Одессе, в 70-е годы прошлого столетия. Старший брат, молодой вор, жизнь которого полна приключений и опасностей, восхищает всех своим благородством. Младший же, несмотря на то, что боготворит своего брата, смотрит на жизнь с другой стороны, стремясь к большим деньгам. Две судьбы, связанные воедино. Любовь отца к сыну, дружба, братство и подлое предательство не оставят равнодушным никого.

ISBN 978-5-00-505875-1

© Амиров Г.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть 1	7
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Часть 2	20
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	43
Глава 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Тень Брата

Гамид Амиров

© Гамид Амиров, 2019

ISBN 978-5-0050-5875-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Дорогой читатель! В этом произведении нет любовной истории между женщиной и женщиной, но тут есть нерушимая братская любовь и истинная дружба настоящих мужчин. Я писал о благородстве и чести, которые присущи, увы, немногим нашим согражданам. И пусть со мной не согласится большинство, но эти качества чаще встречаются у тех, кто не в ладах с законом. Настоящих «благородных разбойников» осталось совсем не много... Но они ещё есть! И эти люди ценят дружбу, правду, данное однажды слово и честь больше, чем деньги и земные блага. Общество зачастую их не понимает, потому-то они и сидят в тюрьмах.

Есть в этой истории злодеи и предатели, аферы и ограбления, махинации и убийства, а также многое другое. Вы пройдёте с героями долгий путь, от Одессы 70-х до Москвы наших дней. Благодарность за помощь в написании данной книги хочу выразить своему старшему другу, писателю, истинному бродяге, Зауру Зугумову.

Также прошу понять, что данная история и все имена в ней вымышлены, а все совпадения случайны. Но я уверен, что в жизни такое бывает...

Часть 1

Ты думаешь долго, где спрятался враг,
И ищешь снаружи злодея.
Но свято хранимый домашний очаг
Тебе все подскажет, чуть тлея.
Решишься и сделаешь свой первый шаг,
И сердце забьётся, не веря,
Что прошлое сжалось в жестокий кулак,
Поймав тебя в сети, как зверя.

Глава 1

Соломон Раппопорт быстрым шагом вошел в свой кабинет на двадцать первом этаже одной из высоток Москвы-Сити. Секретарша, увидев недовольное лицо шефа, испуганно спросила:

– Вам чай, Соломон Маркович? Или кофе?..

Даже не посмотрев на нее, мужчина буркнул:

– Зеленый чай! – И, зайдя в кабинет, хлопнул что есть сил дверь.

В свои пятьдесят семь лет Соломон Маркович старался реже пить кофе – следил за здоровьем. Повесив на вешалку пальто, мужчина сел в кресло и, сняв телефонную трубку, нажал кнопку вызова. Дождавшись соединения, он скомандовал:

– Аркаша, зайди! Быстро!

В глубине покрасневших от бессонных ночей глазах Соломона Марковича застыло печальное выражение. В минуты сильного волнения он морщил свой длинный с горбинкой нос, отчего ноздри поднимались немного вверх и лицо его приобретало брезгливое выражение. Однако в данный момент Раппопорт кривился от злости, которой у него было хоть отбавляй. Последние три месяца проблемы катились как огромная лавина, которая все увеличивалась и увеличивалась и вот-вот должна была снести его компанию, приведя к банкротству.

Дверь распахнулась, и в кабинет, держа в руках кожаную папку, практически вбежал симпатичный черноволосый парень лет тридцати.

– Доброе утро, Соломон Маркович! – протараторил он, садясь справа от своего начальника.

– Говори, что узнал? – не ответив на приветствие, перешел сразу к делу Раппопорт.

Аркадий открыл папку и, достав оттуда лист бумаги, начал спешно докладывать:

– В общем, письмо пришло... Тут сказано, что за неуплату НДС на нас подали в суд! Не заплатили мы что-то около семи миллиардов рублей в прошлом году за тот заказ, что отправили в Хабаровск. Ну... вы поняли за какой...

– Но мы же заплатили! – крикнул Соломон, перебив подчиненного.

– Должны были, – развел руками Аркаша. – Но, судя по всему, нас подставили.

Соломон обхватил голову руками, но через минуту, собравшись с мыслями, снова поднял взгляд на подчиненного:

– Аркаша, они нас не просто подставили, они нас пытаются уничтожить! Весь прошлый год отгрузка шла только им! Мы заработали меньше денег, чем должны были!

Парень молчал. Сказать ему было нечего. Аркадий был всего лишь финансовым директором инвестиционной компании ЛИС, а вот Соломон Маркович Раппопорт был ее владельцем.

Печальные мысли мужчин прервала секретарша, которая принесла Соломону Марковичу чай. Аккуратно поставив перед шефом поднос с одной чашкой, девушка тихо удалилась. Соломон сделал глоток, затем, чуть помолчав, спросил:

– Где и когда суд?

– Через две недели, 26 января, – ответил Аркадий. – Заседание пройдет в Архангельске, так как предприятие находится там.

– Ты сам-то что думаешь? – поинтересовался Соломон, внимательно глядя на финансиста.

– Я думаю, что судиться с налоговой... это провал... Даже не знаю, что и сказать! Ясно одно, после того как у нас месяц назад отобрали лицензию на строительство... – Парень замолчал, поджал губы и посмотрел шефу прямо в глаза.

– Именно так! – стукнул кулаком по столу Соломон Маркович. – Под меня кто-то копает! И это кто-то очень и очень сильный, раз решился на такое.

Аркадий лишь кивнул в знак согласия.

Раппопорт поднял брови и, глубоко вздохнув, сказал:

– Ладно, иди, Аркаша! Мне подумать надо.

– Да, конечно! – Парень встал и, прихватив свою папку, вышел из кабинета.

Пытаясь собраться с мыслями, Соломон задумчиво посмотрел в панорамное окно на летящие за стеклом снежинки. В ноябре прошлого, 2015 года особняк, принадлежавший его компании, решило снести правительство Москвы. Видите ли, он оказался незаконной постройкой, которая каким-то чудом простояла на месте двадцать лет. В трехэтажном строении располагался шикарный ресторан «Монте-Карло» с банкетным залом на пятьсот человек и кофейней. Конечно, Соломон мог обратиться за помощью к влиятельным друзьям из правительства, но беспокоить столь важных людей по столь «мелкому» вопросу, да еще и входить в конфронтацию с мэрией Москвы было слишком рискованно. Бизнесмен решил, что не стоит оно того, и плюнул. Однако спустя месяц появилась новая проблема. У принадлежавшей Соломону строительной компании отозвали лицензию на строительство. Ему навязали якобы несоблюдение установленных норм и вынудили остановить стройку крупного промышленного объекта, заказчиком которого являлось само Министерство энергетики. Стройка встала. Соломон попытался решить вопрос с лицензией, но приближающиеся новогодние праздники не давали ему такой возможности. В декабре в России уже мало кто нормально работает, тем более чиновники. 1 февраля объект нужно было уже сдавать, но стройка не закончена, а значит, штрафные санкции неизбежны. И вот, на дворе уже январь, а Соломон все никак не может ни до кого достучаться. Такое чувство, что вокруг все сговорились. И тут еще одна проблема: руководство принадлежащего Раппопорту алюминиевого завода договорилось с клиентом – они делают на свою продукцию крупную скидку, а заказчик уплачивает НДС. Клиент – судостроительная компания – просто не мог не заплатить этот проклятый НДС. Так что тут явно кто-то из правительства объявил охоту на Раппопорта. Ну что ж... Надо для начала выяснить, кто этот таинственный кто-то.

Соломон встал из кресла, пригладил седые волосы, зачесанные набок, и набрал по сотовому нужный номер. После двух гудков послышался женский голос:

– Приемная Лапусова!

– Девушка, добрый день! – вежливо поздоровался Раппопорт.

– Здравствуйте! – ответила секретарша. – Чем могу быть полезна?

– Скажите шефу, что звонит Соломон Раппопорт. Срочное дело у меня. Спросите, когда он сможет меня принять.

– Одну секундочку! – В трубке заиграла музыка, девушка, очевидно, по другой линии соединялась с начальником. Спустя минуту Соломон вновь услышал ее голос: – Александр Николаевич ждет вас через час!

– Отлично! – радостно воскликнул мужчина. – Спасибо!

– Не за что. Вам пропуск на автомобиль заказать?

– Конечно. У меня «бентли», номер сто один!

– Все сделаю. Ждем вас в приемной на Большой Дмитровке!

– До встречи!

Соломон, улыбаясь, отключил телефон. Он уже понимал, что предстоит война, поэтому решил начать подготовку к обороне. Благо у него был такой хороший друг, как Александр Николаевич Лапусов. Несколько лет назад Раппопорту посчастливилось познакомиться с этим человеком на выставке в Париже. Лапусов являлся сенатором от Республики Карелия и владел большим пакетом акций различных компаний в разных отраслях бизнеса. Но главное, он был теневым политиком с колоссальными связями в правительстве. По слухам, какой-то близкий друг Лапусова был на короткой ноге аж с самим президентом. А в России все прекрасно знали, что у руля нынче стоят именно друзья президента и правит всем бизнесом самой боль-

шой страны мира именно эта компания старых знакомых. В тот день еврейское чутье подсказало Соломону, что этот человек ему точно пригодится. Тем более что Лапусов сам легко шел на контакт и они быстро «подружились». Раппопорт дарил на все праздники Лапусову подарки, приглашал на различные мероприятия, всегда помогал, чем мог. Лапусов отвечал ему тем же, правда, в меньшем объеме, так как считал себя намного выше еврея-бизнесмена. Тем не менее Александр Николаевич несколько раз уверял своего нового друга: мол, у Соломона в России все будет хорошо, и если что вдруг случится, то он, Лапусов, решит любую проблему. И вот тот день настал. Спустя сорок минут мужчина уже заходил в приемную сенатора. Одна из двух секретарш, приветливо улыбнувшись и узнав фамилию гостя, проводила его в переговорную.

От чая и кофе Соломон отказался, попросив стакан простой воды. Еще через десять минут дверь открылась, и в переговорную уверенным шагом вошел сам Лапусов, одетый в строгий дорогой костюм с галстуком, как и положено чиновнику высокого ранга.

– Соломон, друг мой! Что у тебя приключилось? – улыбнулся мужчина и картинно распахнул объятия.

– Здравствуй, Саша. Сейчас все расскажу, – ответил Соломон, также всем своим видом изображая радость от встречи.

Обнявшись, мужчины сели рядом за длинным столом. Лапусов, лысеющий, коренастый мужичок с зелеными глазами и тонкими губами, был немного старше Соломона. Он сцепил пальцы, положив руки на стол, и бросил быстрый взгляд на наручные часы:

– Я весь принадлежу тебе примерно двадцать минут. Потом, извини, надо бежать.

– Мне хватит, – ответил Раппопорт и принялся рассказывать о своих проблемах с самого начала.

Лапусов внимательно слушал. Когда рассказ закончился, сенатор почесал подбородок и задумчиво произнес:

– Да... дорогой друг, ситуация непростая...

– Я-то справлюсь, Саш. Просто я не знаю, с кем справляться. Но больше всего я боюсь того, что у меня попросту хотят отжать весь бизнес! И ты понимаешь, о ком я...

– Я понял, понял, что ты имеешь в виду, – перебил друга Лапусов и повел глазами, давая понять, что в переговорной может быть прослушка, а потому имена называть не стоит. – Но ты ошибаешься, поверь мне. Во-первых, они сначала предупреждают, во-вторых, работают иначе, а в-третьих, я бы знал!

Соломон пожал плечами, явно давая понять, что больше версий у него нет. Он полагал, что это могут быть только люди из правительства, но Лапусов разуверил его в этом.

– Ты, не переживай, Соломон, – придя мысленно к какому-то решению, заявил сенатор. – Я в обиду тебя не дам. Сейчас главное сохранить то, что есть. На сей счет кое-какие мысли у меня уже есть. Дай мне несколько дней. Мы с тобой встретимся вечером... послезавтра, например. И все решим. Идет?

– Да, конечно. Спасибо, Саша!

– Перестань. Все хорошо. – Лапусов встал и шутливо спросил: – Я только не пойму, вот ты, старый богатый еврей! Ну неужели у тебя, кроме мелкого заводика и строительной фирмы больше ни черта?

– Недвижимость есть, и все, – развел руками Раппопорт.

– Никогда бы не подумал! – удивился уже серьезно сенатор. – У тебя одних картин столько, что ты, по-моему, можешь «Газпром» купить!

– Это и есть все мое состояние, Саша. Зачем мне другой бизнес? Денег на роскошную жизнь и так хватает. А картины никогда не упадут в цене, будут только расти.

– Может, ты и прав, – задумчиво протянул Лапусов. – Как ни крути, мудро... Ладно, я побежал. Созвонимся послезавтра.

– Хорошо, дорогой. Пока!

Глава 2

Темно-синий «бентли» заезжал в один из элитных поселков Барвихи. Поселок этот находился уже за Московской кольцевой дорогой и относился к Одинцовскому району; в народе данное место, как и другие близлежащие поселения, прозвали «Рублевка». Жили тут состоятельные представители московской элиты. Вот только Соломон Раппопорт, без сомнений принадлежавший именно к этой социальной группе, сидел сейчас на заднем сиденье своего роскошного автомобиля и задумчиво смотрел в окно, ничего вокруг не замечая. Не видел он ни ухоженных поселков, ни красивых домов, видневшихся из-за огромных заборов, ни даже Еврейского центра и синагоги, открывшихся недавно в поселке Жуковка. Мужчина был полностью погружен в свои мысли, а всю эту роскошь и красоту он и так видел каждый день, выезжая из дома и возвращаясь назад.

– Соломон Маркович, я сегодня больше не нужен? – спросил водитель Миша, вырвав шефа из задумчивости своим вопросом.

– Да... нет, наверное... – растерянно пробормотал Раппопорт и, собравшись с мыслями, через мгновение продолжил: – Нет, точно нет, Миша. Меня оставь дома, а сам езжай к семье.

– Я могу немного задержаться, вдруг вам что-то понадобится, – предложил водитель.

– Не понадобится, – заверил его Соломон. – Я дома отдохну. А завтра часам к двенадцати приезжай, не раньше! Мне нужно спокойно собраться с мыслями...

– Как скажете, Соломон Маркович, – согласно кивнул Миша.

Для Раппопорта этот тридцатилетний парень был не просто водителем. Высокий, спортивного телосложения боксер Михаил Нестеров уже четырнадцать лет верой и правдой служил своему шефу. За эти годы он не раз доказал свою преданность Соломону, и это его качество не осталось без внимания. Раппопорт щедро платил водителю, на день рождения и в Новый год стабильно давал премии в размере еще одного оклада. Помимо этого, семь лет назад, когда Миша женился, Раппопорт подарил ему трехкомнатную квартиру в Одинцово. Конечно же парень был несказанно рад такому подарку, и его благодарность только увеличила уважение к работодателю. Соломон же ценил это и относился к Мише как к родному. Кроме водителя, у Соломона было еще два человека, которые служили ему верой и правдой уже много лет. Муж с женой, Мирзо и Наргиз, приехавшие в Москву еще в 90-е, на протяжении последних двадцати лет работали на Раппопорта, двенадцать из которых прожили конкретно в этом самом доме. Им обоим было уже за шестьдесят. Мирзо – спокойный и тихий маленький мужичок, выполнявший любую работу, от уборки снега до починки дверных замков. Он мог сделать даже то, что порой не по силе было и троим молодым мужчинам, главное, чтобы в деле не требовалось применять интеллект, потому что с ним у Мирзо были большие проблемы. А вот его жена, Наргиз, была не так глупа, как могла показаться вначале. Женщина выполняла всю работу по дому. Сейчас, правда, она в основном занималась уборкой и вела все домашнее хозяйство. На стирку и глажку вещи еженедельно забирал курьер из прачечной. Еду по необходимости привозили из ресторана неподалеку, а потому она лишь иногда готовила завтраки и легкие закуски. Но самое главное, за что Наргиз был благодарен Соломон, так это за воспитание его сына, Давида. В августе парню исполнилось двадцать лет. Жена Соломона умерла давно, еще при родах. Давид никогда не знал матери, но неизменно ездил с отцом на ее могилу. Правда, эта история была покрыта мраком, отец и сын практически никогда не обсуждали детали давней трагедии. Соломон не любил говорить об этом, тем более с сыном, которого любил больше всех на белом свете. Да и не было больше у богатого мужчины близких родственников. Поначалу воспитанием ребенка занималась бабушка Хая, мама Соломона, живущая в Одессе. Но в 2002 году старушка умерла, и отец забрал свое чадо в Москву, где растить мальчика помогла Наргиз. К тому времени Раппопорт уже был достаточно состоятель-

ным человеком, и с Давидом занималась куча репетиторов. У ребенка с детства была страсть к музыке, и к семнадцати годам он уже виртуозно играл на скрипке. Тем не менее музыка оставалась для него просто хобби. Учиться же отец отправил своего наследника в МГИМО. Соломон с большим трепетом и нежностью обращался с сыном, понимая, что мальчик обделен материнской лаской.

Машина подъехала к массивным стальным воротам, Миша нажал на пульте кнопку, и створки медленно поползли в стороны. Двор был небольшой, как и сам дом. Заасфальтированная дорога длиной около ста метров тянулась до противоположного конца обнесенного трехметровым каменным забором участка и заканчивалась небольшой крытой стоянкой на шесть автомобилей. Там стояли большой черный джип «Лексус LX 470», серая «Шкода Октавия» и карамельного цвета «Порш Панамера». Слева от дороги тянулся кирпичный двухэтажный дом с двумя французскими балкончиками. Выглядело строение очень изящно. Несмотря на то что дом занимал целых четыреста квадратных метров, громоздким он не выглядел. Соломон вышел из автомобиля и улыбнулся, взглянув на «порш» Давида – сын был дома. Миша тем временем попрощался и сел в свою «шкоду», прогревая ее, перед тем как уехать.

Спустя полчаса Раппопорт сидел в кресле в своем кабинете на втором этаже и наслаждался пением скрипки – Давид в соседней комнате играл музыку из кинофильма «Список Шиндлера».

Звуки печальной мелодии проникали в самое сердце Соломона, разрывая его на мелкие кусочки. Он думал о том, к чему может привести нынешняя ситуация. В России всегда было опасно иметь много денег – в любой момент можно было стать жертвой какого-то жадного до денег чиновника, который не погнушается отобрать все до последней копейки. И это в лучшем случае! А могут еще и в тюрьму посадить, ведь сфабриковать дело ничего не стоит. А если честно, то и повод придумывать не нужно. Соломон вспомнил своего брата Леню, которого убили в 1995 году. Начало всему бизнесу было положено благодаря брату, а теперь... Холодок пробежал по спине мужчины, едва он представил, что его могут сделать нищим и упечь в тюрьму. За себя Соломон не боялся, но что будет с Давидом? Не дай бог парень останется один! Для отца такая ошибка непростительна.

Тем временем скрипка окончила свою печальную песню, спустя минуту открылась дверь в кабинет, и на пороге появился высокий стройный парень с русыми волнистыми волосами, печальными голубыми глазами и доброй улыбкой. Лицо его излучало доброту. Сразу было видно, что перед вами действительно порядочный человек с ранимой душой и открытым сердцем. От отца Давид унаследовал лишь длинный нос с горбинкой и походку.

– Папа, привет! – радостно улыбнулся Давид и быстро подошел к отцу.

– Здравствуй, родной! – Соломон поднялся из кресла и крепко обнял сына. – Как дела? Как учеба?

– Все хорошо, пап! Ждал тебя, хотел кое-что спросить!

– Да *шейфеле*¹, все что угодно, – ласково ответил Соломон и снова устроился в кресле, приглашая сына сесть напротив.

– В общем... – Давид сел на стул и, неловко поерзав, наконец-то решился: – Пап, в июле... я понимаю, что рано еще, но все же... есть скрипач один. Очень хороший! Дэвид Гаррет его зовут!

– И? – Соломон постарался приободрить сына, видя, что парень отчаянно стесняется. – Говори. Что ты тянешь, сынок?

– Одним словом, я хочу поехать на его концерт. В июле.

– Так сейчас январь, дорогой мой, – засмеялся отец.

– Да, конечно, – кивнул Давид. – Но билеты заранее купить надо... и... там виза нужна.

---

¹ Мой мальчик (*идши, ум.-ласк.*) к слову «ребенок».

Соломон удивленно вскинул брови:

– Какая виза? Что, концерт не в России?

– Нет. Он в Риме. А у меня шенген заканчивается в марте...

Соломон мгновение молча смотрел сыну в глаза, потом по-отечески добро улыбнулся и сказал:

– Родной мой, так в чем проблема? Шенген тебе продлит секретарша, с деньгами проблем нет. Если тебе не хватит того, что тебе на карточку зачисляется, я тебе еще дам. Так в чем же дело?

Давид улыбнулся:

– Папа, проблем нет. Спасибо тебе большое! Деньги у меня есть, мне хватает с лихвой. Просто я должен был спросить у тебя разрешения.

От этих слов у Соломона к горлу подступил ком. Как же сильно он любил сына! И какой его Давид воспитанный и хороший парень.

– Родной мой, – наконец сказал Раппопорт, – ты у меня самый лучший сын на свете! Я прошу тебя только об одном, будь аккуратней. Никуда не лезь. С кем ты поедешь?

– Ну... – Давид немного растерялся, что не ускользнуло от опытного глаза отца. – Магидович Андрей точно со мной поедет... еще из музыкалки ребята...

– Ангелина едет? – с подозрением прервал сына Соломон.

Давид опустил взгляд и честно ответил:

– Да. Скорей всего, она поедет с нами.

Мужчина был рад, что сын не скрывает от него правду. Давиду эта самая Ангелина нравилась. Соломон давно понял, что сын встречается с ней. Он, конечно, не запрещал этого, но предупредил, что жениться не позволит. Правда, Давид пока вступать в брак и не собирался, хотя Ангелину любил, похоже, всем сердцем. Парень старался как можно реже упоминать о ней в разговорах с отцом. Причина родительского запрета была банальна: девушка была украинкой, а не еврейкой. Соломон видел ее однажды: красивая, неглупая, порядочная, видно, что тоже влюблена в Давида. Но с национальностью ее Раппопорт смириться не мог. Поэтому мужчина дал сыну строгий наказ: встречаться, гулять, любить, только не жениться!

– Ну хорошо, – неожиданно улыбнулся отец. – Значит, тебе будет только лучше!

Давид мгновенно повеселел, вскочил со стула и обнял отца:

– Спасибо большое, папа!

Соломон в ответ похлопал сына по плечу:

– Наслаждайся жизнью, родной. Только очень прошу, будь аккуратнее.

– Конечно, папа! Не переживай!

И Давид выскочил из кабинета. Соломон же, глядя вслед сыну, подумал, какой же все-таки Давид еще ребенок. А ведь ему уже двадцать лет! Хотя, может, оно и к лучшему. У парня счастливая, беззаботная жизнь. Конечно, есть свои сложности, ведь он, в конце концов, рос без матери. Но тем не менее... Соломон вспомнил себя в двадцать лет. Он был намного взрослее. Тут же на память пришел любимый брат Леня. Тот в двадцать лет уже был известен на весь район Молдаванки в Одессе! Конечно, таких, как Леня, наверное, больше никогда не будет... Это был великий человек! Его брат! Он был всем для Соломона! К глазам невольно подступили слезы. Хорошо, рядом никого нет... Мужчина еще долго сидел, задумчиво глядя на дверь, в которую вышел его сын. Человек, ради которого он сегодня живет и ради которого, если будет нужно, он завтра будет готов умереть.

Глава 3

В день встречи с Лапусовым Соломон уже более-менее собрался с мыслями и пришел к выводу, что все не так уж и плохо. В конце концов, нет доказательств того, что на его бизнес положили глаз власти. Может быть, это просто совпадение? Печальное стечение обстоятельств? Так сказать, черная полоса! Возможно, все именно так.

Думая обо всем этом, Соломон Маркович приехал в издательство принадлежащего ему журнала «Российская жизнь», в редакции которого появлялся нечасто. Главным редактором последние пять лет здесь работала молодая девушка, Кристина Шафонская, которая, заняв должность, за несколько лет сумела увеличить доход почти втрое и вывела журнал на самый верх рейтингов, причем с огромным отрывом от конкурентов. Кристина создала интернет-издание, новостные приложения для смартфонов, ввела множество полезных новшеств. Соломон был рад, что не ошибся в девушке, назначив ее, молодую и неопытную, но умную и хваткую, на столь ответственную должность в возрасте двадцати трех лет. Правда, должность эту он ей пожаловал ради своего друга Тимура, который в данный момент сидел в тюрьме. У них с Кристиной был роман, и как-то в ресторане, заступившись за свою девушку, Тимур ударил ножом зятя министра внутренних дел... Страшная была история.

Пройдя мимо сидящих перед компьютерами сотрудников, Соломон открыл без стука дверь в кабинет и смело зашел внутрь. Кристина, сидевшая за столом и изучавшая какие-то бумаги, подняла голову и мгновенно вскочила, увидев мужчину.

– Соломон Маркович, – радостно воскликнула она, – какими судьбами?

Кристина была симпатичной стройной шатенкой с умными черными глазами, ровным, красивым носом и ослепительной улыбкой, от которой на щеках ее появлялись очаровательные ямочки. Она была одета очень опрятно и строго по-деловому: черная прямая юбка, такого же цвета пиджак и молочного цвета блуза.

– Здравствуй дорогая, – приветливо улыбнулся Соломон и учтиво поцеловал девушке руку. Затем сел на стул напротив кресла директора и продолжил: – Сначала расскажи, как ты поживаешь?

– Да нормально вроде все, спасибо, – скромно ответила Кристина, присев на край своего кресла.

– Что от Тимура слышно?

– Так вы не знаете? Тимур должен в ближайшее время выйти на свободу, – улыбнулась девушка. – Вопрос двух недель.

– Прекрасно! – воскликнул Соломон. – Я и правда не знал... Совсем дела замучили, о таком важном деле забыл!

– Да я и сама замоталась, – продолжала улыбаться Кристина. – Пять лет пролетели... за работой даже и не заметила как!

– Ну ты смотри, как вернется твой любимый, работу не забрасывай, – шутливо погрозил пальцем девушке Соломон.

– Да нет, что вы! Вы же знаете, работа – моя жизнь.

– Знаю, знаю! – успокоил Соломон Кристину. – Ладно, Тимура мы встретим как полагается. Держи меня в курсе, когда точно он придет. Теперь по делу... – Он серьезно посмотрел на девушку, которая приготовилась выслушать вопрос владельца журнала. – Мне нужно, чтобы ты своим журналистам дала кое-какое задание. Они ведь у тебя лучше любых сыщиков, так ведь?

– Конечно, – согласно кивнула девушка. – Вы только скажите, что и про кого надо узнать. Я сейчас даже у хакеров информацию покупаю. Все что угодно узнаем!

– Прекрасно, – довольно произнес Соломон. – В общем, запоминай. Есть в Хабаровске судостроительный завод. Кто владелец, легко узнать в Интернете. Мне нужно, чтобы у тебя было максимум информации на владельцев завода и тех, кто стоит за ними! Там могут быть очень высокопоставленные люди. На них нужен компромат. Причем компромат убойный. Пряма вся грязь! Воровство, отмыв денег, гулянки с проститутками, связи с экстремистами – все что угодно! Такой компромат, чтобы можно было за один раз их потопить.

Кристина быстро делала ручкой какие-то пометки в блокноте.

– Больше удар на управленцев номинальных или теневых владельцев?

– На всех, – твердо распорядился Соломон. – Возможно, придется топить всех. Собирай информацию, статья должна быть готова к публикации в любой момент. Денег не жалеть.

– Поняла, – кивнула Кристина. – Все сделаем в лучшем виде!

– Как соберете информацию, дашь мне знать. Главное, ничего не публикуй, пока я команду не дам.

– Да, конечно!

– Все, дорогая моя. – Соломон встал со стула. – Я поехал.

– Даже кофе не выпьете? – удивилась Кристина.

– Увы, времени совсем нет. Жду вестей от тебя.

– Договорились.

Раппопорт вышел на улицу, где его в машине ждал Миша. День был солнечный и ясный, а температура около минус пяти градусов – прекрасная погода для московской зимы. Соломон сделал глубокий вдох и взглянул на чистое небо. Жизнь все-таки прекрасна. И, глядя на голубое небо и солнечные лучи, играющие на белоснежном снегу, мужчина думал о том, насколько же ничтожны люди, столь сильно зависящие от денег. Вся жизнь наша жизнь завязана на достижении материальных благ! А ведь есть вещи намного важнее...

Взглянув на часы, Соломон решил заехать вначале в офис, а потом уже направиться к Лапусову.

В восемь вечера Раппопорт уже сидел в кресле напротив своего друга-сенатора. Между ними стоял небольшой стеклянный столик, на котором поблескивал горячий чай, налитый в дорогие фарфоровые чашки, в небольшой вазочке соблазнительно маячила горка конфет. Дом Лапусова был огромным и роскошным. У мужчины не было жены, но имелись дочь, зять и трехлетняя внучка. Все они жили тут же, и Соломон сегодня попал на семейный ужин. Позже Александр Николаевич предложил другу выпить чай и поговорить в гостиной.

Устроившись в кресле, сенатор начал разговор:

– Соломон, я не буду скрывать, ситуация у тебя не из лучших.

– Я знаю, Саш, – ухмыльнулся Раппопорт. – Иначе к тебе не пришел бы. Ты узнал что-то?

Лапусов поджал губы, затем, вздохнув, произнес:

– Да не то чтобы прямо все узнал... но ясно как день, тебя душат. И делает это кто-то, кто нацелился именно на тебя. Скорей всего, у него к тебе какие-то личные счета. Кто это может быть? Ты думал об этом?

– Да я голову уже сломал себе! – развел руками Соломон. – Понятия не имею. Ведь я ни с кем не ругаюсь, почти ни с кем не дружу... Кому я нужен?

– Видать, кому-то да нужен... Но я ищу. Дал задание всем своим людям. Но шансов, увы, мало. Легче тебе самому вычислить врага.

– Я стараюсь, но пока тщетно.

– Теперь предложу тебе план обороны, – решительно заявил сенатор. Соломон кивнул в ответ и Лапусов продолжил: – С налоговой судиться смысла нет – проиграешь. Теперь судостроительный завод... Тот, что не закрыл НДС. Уверен, что его руководство сделало это по распоряжению сверху, с ними бодаться тоже не стоит. За ними стоит Министерство обороны! Ресурсы потратишь больше, чем потом выиграешь, хотя это и маловероятно!

– Выходит, меня загнали в угол? – спросил Соломон.

Лапусов поднял руки вверх, призывая собеседника подождать, и продолжил:

– Выход я вижу такой: надо заплатить НДС, это даст время решить вопрос и выяснить, кто за всем этим стоит. Плюс это выбьет врага из колеи! Ведь наверняка для разработки данной схемы он потратил много сил и ресурсов. Тут и деньги, и личные просьбы, и взятки... А мы пошатнем его положение.

– Да, согласен, – улавливая идею, ответил Раппопорт. – Однако есть одно «но». У меня нет семи миллиардов! Не просто нет, их сейчас найти практически невозможно.

– И именно для этого, Соломон, у тебя есть я, – улыбнулся Александр Николаевич. – У моего зятя есть банк, как ты знаешь, он тебя даст кредит, и вуаля!

Соломон удивленно вскинул брови. Имея острый, пронизательный ум и будучи очень недоверчивым человеком, он почуял сразу, что Лапусов что-то недоговаривает. Есть еще какие-то идеи у сенатора, это точно. И идеи эти могут быть направлены только на личную выгоду, значит, что-то ему нужно. Долго не думая, Соломон прямо задал вопрос:

– Саша, скажи как есть, что еще ты хочешь предложить? Какой еще план в твоей голове? Я ведь не мальчик наивный. Я понимаю, мы все бизнесмены и семь миллиардов ради дружбы никто не даст. Я бы, например, не дал, честно признаюсь.

– Почему? – удивился внезапно Лапусов.

– Потому что меня могут обанкротить и деньги к твоему зятю не вернутся! Говорю как есть, – твердо ответил Раппопорт. – И теперь скажи мне прямо – чего ты хочешь за помощь? Какова цена вопроса?

Сенатор пристально смотрел прямо в глаза Соломону. Но умный и пронизательный взгляд бизнесмена оказался сильнее. Раппопорт говорил правду, а потому чувствовал в это мгновение за собой силу. Он ни на секунду не сомневался в том, что сказал, и теперь, глядя в глаза Лапусову, как будто бросал тому вызов. Взгляд старого еврея был красноречивей любых слов, и сенатор сдался, отвел глаза и, с сожалением вздохнув, произнес:

– Эх, Соломон Маркович, конечно... мне даже как-то неудобно говорить тебе об этом... но я признаюсь начистоту. Надеюсь, ты поймешь.

– Так сразу и надо было говорить! – дружелюбно воскликнул Раппопорт, который уже прекрасно знал, что сейчас скажет его друг. Вопрос был только, в какой форме он это преподнесет.

– Буду честен, я думал так... Мне неудобно говорить об этом... мы друзья, у тебя проблемы... а тут большие деньги... Поэтому вариант я просчитывал такой: в случае, если ты не выплатишь сумму кредита, банк заберет себе часть акций твоего завода... – Лапусов развел руками и добавил: – Ты пойми, я ведь поручусь за тебя! И банк даст тебе деньги под мое честное слово! Но в случае провала...

– Я понял! – коротко произнес Соломон и замолчал.

Сенатор тоже молчал. Он взял кружку и сделал несколько глотков чая. Раппопорт в этот момент думал. Точнее, делал вид, что думает. На самом же деле он понял, что хочет Лапусов, как только тот предложил ему деньги. И в принципе сенатор был прав! Он ему не брат, не отец... просто один из множества друзей. И то едва ли их отношения можно назвать сердечной дружбой. В таком возрасте, как у них, тем более в кругах политиков и бизнесменов, друзей вообще не бывает. Друзья могут быть либо у бандитов, либо у молодых ребят. Да и то, как Лапусов сейчас преподнес свое предложение, Соломону понравилось. Было видно, что сенатор искренне хочет помочь. И ясно как день, что этот завод и вся эта волокита с кредитом и банком успешному и богатому политику не нужна. А банку не нужна тем более. Но, тем не менее, ради него Лапусов идет на такой шаг.

– Как ты собираешься все это оформить? – спросил Соломон.

– Я уже говорил с Костей, он сказал, что вариант тут один – ввести в состав учредителей его человека.

Костя был зятем Лапусова. Парень лет тридцати пяти, типичный представитель нынешнего поколения бизнесменов. Образованный, неглупый, из хорошей, можно даже сказать, богатой семьи. Раппопорт знал, что Костя – человек порядочный, насколько вообще порядочным может быть банкир.

– Я тебе скажу так, Саша, – решительно начал бизнесмен, – во-первых, ты абсолютно прав! И я тебе безмерно благодарен за помощь. Это деньги, и немалые, тебе нужны гарантии. Во-вторых, естественно, иного залога за такую сумму и быть не может. Только я предлагаю следующее. Я ввожу в состав учредителей только Костю и никого другого. Мы посчитаем рыночную стоимость предприятия, и он официально купит у меня долю! В конце концов, он банкир и может инвестировать деньги банка!

– Это уж точно, – улыбнулся сенатор.

– А что касается обратного выкупа, я думаю, об этом мы договоримся между собой. Верно?

– Конечно, дорогой. Неужели ты думаешь, что в случае возврата денег он не отпишет тебе долю назад? – удивился Лапусов.

– Не думаю, естественно! – засмеялся Соломон. – На черта ему завод с таким геморроем? Он на этих деньгах в банке заработает в десять раз больше!

Мужчины рассмеялись. Сенатор встал из кресла и дружелюбно протянул руку другу:

– Значит, по рукам, Соломон?

– По рукам, Саша! – Раппопорт тоже встал и пожал руку собеседнику. – Спасибо тебе за помощь!

– Да пока еще я тебе и не помог толком. Надо искать самую главную голову, чтоб отрубить ее. Думай, кто копает под тебя.

– Буду думать, – вздохнул Соломон.

Они договорились о встрече с Костей на следующей неделе, и Соломон уехал домой.

Ночью мужчина толком не спал. Его мучали мысли, главной из которых была «Кто?». Кто может копать под него? Что за враг? За ночь Соломон перебрал всех, кого возможно, но ни один из этих людей не подходил на роль подозреваемого. Кто хотел бы круто наехать на Соломона, не имел таких возможностей. А кто обладал подобной силой, тому сам старый еврей был неинтересен. Лапусов, конечно, помог неплохо. Стоит отметить, что человек он порядочный и благородный, раз пошел на такой шаг.

Под утро Соломон наконец-то уснул. Открыл глаза он уже около одиннадцати часов дня. Голова болела жутко. Надев халат и сунув ноги в тапочки, мужчина спустился на первый этаж, зашел на кухню и включил чайник. Пока вода не закипела, Соломон решил пойти в ванную. Давид уже уехал на учебу, Наргиз с мужем жили в пристройке и обычно утром в дом не заходили, чтобы не разбудить хозяев. Выпив зеленый чай и перекусив бутербродом с сыром, Соломон вышел в холл. Там находилась небольшая комнатка, где, сидя на диване и смотря телевизор, ждал своего шефа Миша.

– Миша! – крикнул Соломон.

– Я здесь. Доброе утро, – ответил водитель, мгновенно выскочив из комнатки.

– Поехали, – скомандовал Раппопорт.

– Бегу! Куда поедем? – Миша быстро одевался, чтобы выйти во двор и подогнать машину ко входу.

– Сейчас узнаю, – ответил шеф, достав телефон и набирая номер. – Алло, Анюта привет, – заговорил Соломон в трубку.

– Здравствуйте, Соломон Маркович! – На другом конце провода зазвучал нежный женский голос.

– Моя дорогая, когда к тебе приехать можно?

– Соломон Маркович... можно в пять... либо... если только... через двадцать минут у меня уходит клиент и окно как раз.

– Отлично! Жди меня, я буду максимум через полчаса!

– Все, договорились. Я жду.

Сев в машину, Раппопорт скомандовал:

– К Ане едем, на «Юго-Западную». Как раз минут за двадцать доедем.

– Должны, конечно, – улыбнулся Миша.

Соломон устало откинулся на сиденье – голова болела непереносимо. К Ане, очаровательной девушке лет двадцати пяти, он неизменно ездил раз в неделю. Несколько лет назад бизнесмен случайно попал к ней в салон красоты на Парке Культуры. Милая девушка ловко брила клиентов опасной бритвой, а таких умелиц в Москве было мало. Особенно тех, кто брил хорошо. Соломону очень понравился подход девушки к делу. Она помыла ему голову, сделала массаж, пилинг, окантовку и укладку. Работала она всегда с улыбкой, весело болтая о чем-то незначительном. Разговор с ней никогда не напрягал. Спустя два года Соломон проинвестировал салон красоты в большом элитном жилом комплексе на «Юго-Западной», который частично принадлежал ему. Бразды правления в салоне он отдал Ане, с условием, что его она все равно будет обслуживать, как и раньше. Девушка была счастлива и помимо управления салоном продолжала сама же работать в нем парикмахером.

– Анечка, здравствуй, дорогая, – поздоровался Соломон, заходя в красиво обставленное помещение, пол в котором был выложен самым настоящим мрамором.

– Здравствуйте, Соломон Маркович! – мило улыбнувшись, быстро подошла к важному клиенту Аня.

Это была брюнетка небольшого роста, ладная и стройная, с выразительными карими глазами и веселой улыбкой. От Ани всегда веяло радостью и хорошим настроением, что сейчас так было необходимо Раппопорту.

– У меня так болит голова, Анечка, – пожаловался мужчина. – Спасет только твой массаж.

– Сейчас все сделаем, – заверила девушка, усаживая клиента в кресло. – Вам принести чай или кофе?

– Ничего не надо, спасибо.

Соломон практически улегся в парикмахерское кресло, оборудованное сзади раковиной, на край которой положил раскалывающуюся от боли голову. Аня открыла кран и начала аккуратно мыть волосы ароматным шампунем, делая легкие массажные движения.

– Чем же вы так обеспокоены, Соломон Маркович? – весело спросила девушка. – Кто посмел обидеть нашего благороднейшего босса?

– Ну ты прям мне льстишь, – усмехнулся Соломон. – Если бы я был благороднейший из боссов, вряд ли бы сейчас оказался в такой ситуации... Наверное, все-таки кому-то я досадил...

– Что-то случилось, Соломон Маркович? – теперь уже испуганно спросила Аня. – Вы никогда таких вещей не говорили раньше!

– Да ладно... не обращай внимания, – вздохнул Соломон.

Он знал, что Аня действительно всей душой переживает за него, а девушка она порядочная и лишнего никогда не скажет и не спросит. Но сейчас мужчина находился в каком-то трансе. Его мысли зашли в тупик. Он не знал, где искать обидчика. И, сам того не желая, он заговорил, словно какие-то высшие силы заставили его открыть рот:

– Кто-то хочет отобрать у меня мое имущество! То, за что мой брат, можно сказать, жизнь положил! Какой-то подлец, который не выходит из тени, а подло прячется по углам и копает под меня.

Соломон никогда не был доверчивым человеком, напротив, он слыл очень осмотрительным в разговорах. Но сейчас его просто прорвало, и он сам не понимал, почему вдруг взял и все выложил парикмахерше.

Аня молчала, продолжая делать массаж, уже перейдя с шампуня на ополаскиватель. Наконец девушка задумчиво произнесла:

– Ох, Соломон Маркович, иногда и не знаешь, кто тебе роет яму... Думаешь, что враг строит козни, а это друг оказывается! Думаешь, девушка гадости делает, а это парень... Думаешь, новый друг подличает, а это старый... Ну, я знаю, что вы человек умный, и все равно ваша доброта...

Соломон уже не слышал ее. Пазл наконец-то сложился, а в голове все звучали и звучали слова Ани: «Думаешь, девушка гадости делает, а это парень... Думаешь, новый друг подличает, а это старый...» Перед мысленным взором Соломона медленно появилось лицо. Без сомнений! Как он раньше не догадался? Да все просто, он искал мужчину. А ведь это может быть женщина. Он искал среди врагов из настоящего. Но ведь были у него разные дела и в старые времена... Сомнений быть не может! Это она! Он вычислил своего врага. Это Зива...

Часть 2

Горевший в Одессе огромный костёр
Светил на большую дорогу.
По этой дороге шагал один вор,
Но путь этот вёл лишь к острогу.
Играл он с властями, как тореадор,
И шёл на поклон только к Богу.

Глава 4

Семья Раппопорт была типичной еврейской, жившей в Одессе в районе Молдаванка, на улице Богдана Хмельницкого. Это были те самые исторические для любого одессита кварталы, где когда-то обитал Мишка Япончик со своей бандой налетчиков. Но Раппопорты были далеки от этого. Марк Абрамович, отец семейства, фронтовик, человек умный и осторожный, работал в школе завучем и учителем алгебры. Сразу после окончания войны он женился. Его жена, Хая Зеленская, тоже являлась коренной одесситкой и трудилась поварихой в Городской клинической больнице №1.

Все было в шаговой доступности от их дома. 103-я школа, где работал Марк Абрамович, находилась на улице Буденного, в пяти минутах ходьбы. А место работы Хаи располагалось еще ближе. Будучи коренными одесситами, родители Соломона чаще называли свою улицу по-старому – Госпитальная. Именно так она называлась до 1954 года, и именно из-за этой самой ГКБ №1, которая раньше носила название «Еврейская больница», так как была построена на деньги богатых евреев меценатов.

Марк и Хая жили хорошо и дружно, у них было два сына. Старший, Леня, родился в 1947 году, спустя год после свадьбы. И лишь по прошествии десяти лет на свет появился Соломон. Два сына – для любого отца это счастье. Так и Марк Абрамович радовался. Ему к моменту рождения младшего сына уже было около пятидесяти лет, а тут такой подарок. Жила семья в типичном одесском общем дворе, каких полно на Молдаванке. Соседей было много, и типично по-одесски разных национальностей. Пять квартир занимали евреи, четыре – украинцы, два брата болгарина обретались сразу в двух квартирах, была еще одна семья греков, две квартиры достались молдаванам, а в одной крошечной комнатухе жил одинокий старый армянин Самвел. Когда-то до революции в таких домах жили только евреи. Но с приходом советской власти все изменилось. Идеи социализма убивали религию и национальное самосознание людей, пропагандировалось лишь преклонение перед Лениным и партией. Но одесскую самобытность убить было невозможно. Жители бедных общих дворов, обитатели небольших квартирков существовали как одна большая семья. И даже когда в 1973 году у Марка Абрамовича появилась возможность переехать в новый район, где давали квартиры ветеранам войны, он уперся рогом и отказался.

– Марик, не расчесывай мне нервы! Мы должны-таки переехать в новую хату! – кричала Хая на мужа, уговаривая его.

Но Марк Абрамович был тверд в своих решениях и спокойно отвечал жене:

– Никуда я отсюда не уйду! Мой отец жил тут, дед жил тут и был раввином! А теперь ты хочешь, чтоб я ушел?

– Ты подумай о детях! – не унималась жена. – Леня, если женится, куда пойдет?

– Ты хочешь, чтоб мой сын жил *ин тохес ин веинкле*?!²

– Это мы там живем! – парировала Хая. – Молдаванка уже еле дышит! Одни крысы да тараканы!

Марк Абрамович так же спокойно продолжал стоять на своем:

– Молдаванка – наш дом! И мы никуда не уйдем отсюда! Пусть *разквещанный*³, но наш!

Хая еще долго продолжала причитать и возмущаться, но смысла не было. Решение мужа было непоколебимо. А дом, точнее квартира их действительно был уже старый и обветшалый. Жилище семейства Раппопортов находилось в правой части П-образной двухэтажной постройки, на втором этаже. По периметру всего дома проходил общий сквозной балкон, через

² В уголке попы, очень далеко (*идиш.*).

³ Сломанный, раздавленный (*одесск. жарг.*).

который можно было заглянуть к соседям в окно. Как правило, во всех квартирах на балкон выходила кухня, и стоило только кому-то из соседей начать готовить что-то праздничное, как аромат распространялся по всем помещениям. Через дворик от одной стороны до противоположной ровными линиями были протянуты веревки для сушки белья. Кроме кухни у Раппопортов в квартире было две маленькие комнатухи и санузел. Вся квартира была не больше сорока квадратных метров, но жизнь в таком дворе была настолько веселой и привычной, что уходить отсюда никто не хотел. В теплые дни пятничными и субботними вечерами весь дом собирался во дворе, накрывали большой стол и как одна семья садились ужинать. Потом играли в лото, кто-то болтал, старый Самвел учил детей играть в нарды. Все жители были небогатыми, рабочими людьми, но из-за этого, казалось, никто не переживал. Самый зажиточный в доме был Фима Крамер. Он работал ювелиром в магазине на Дерибасовской, устранял мелкие поломки на изделиях. Но основной доход Фима получал со спекуляции драгоценностями. Его сын, Гриня, был двоечник и не хотел учиться в школе. Фима и не заставлял его, и мальчик с детства помогал отцу, познавая азы ювелирного искусства. Гриша дружил с Соломоном, ребята были почти ровесниками. Правда, общего у мальчиков было немного. Соломон учился хорошо и слыл прилежным и послушным ребенком. Больше он, конечно, дружил с другим соседом, болгаринном Георгием. Ребята учились в одном классе и были просто неразлейвода.

А вот старший брат Соломона, Леня, был полной его противоположностью. Он родился самым настоящим бунтарем, не признававшим ничьей власти и вечно отстаивавшим справедливость. А еще Леня был щедрым и благородным парнем, а потому любили его все. Несмотря на то что парень бросил школу еще в седьмом классе и вечно попадал в какие-то неприятные истории, у него всегда водились деньги, и он был одет как сын министра, а не школьного учителя. Тогда его все считали обычным франтом, не понимая, что ему нужно выглядеть богато для «работы». Леня многих людей вводил, если можно так выразиться, в заблуждение. Но своих близких он любил всем сердцем. Не было ни одного человека из соседей, кому хоть один раз чем угодно, но Леня не помог. Кому-то одалживал деньги, у кого-то украли кошелек на Привозе, а он нашел и вернул, другим просто дал мудрый не по годам совет. Но больше всех Леню любил его младший брат. Для Соломона с детства он был настоящим кумиром. Мальчик подражал брату во всем, и для него не было чего-то такого, в чем Леня мог быть не прав. В свою очередь, старший брат просто обожал Соломона, вот только любовь его проявлялась немного иначе. Для Лени брат был воплощением нежности, незащитности и ума. Он видел, как сильно Соломон стремится к знаниям, и мечтал, что его брат выучиться и станет большим человеком.

В 1975 году Леня все-таки угодил в тюрьму. Для всей Молдаванки это была настоящая трагедия. Вместе со своим закадычным другом из соседнего двора, Яшей Амзелем, Леня за разбой загремел на семь лет в колонию. Срок был немалый, смягчающих обстоятельств не нашлось. Оказалось, что парни ночью решили обчистить двух иностранцев в районе Аркадии. На их беду, рядом проезжал милицейский патруль, и молодых разбойников взяли тепленькими. Соломон тогда закончил школу, но, несмотря на взрослый уже возраст, не мог сдерживать слез. Ночами он рыдал, думая о том, как сейчас несладко приходится его брату, которого отправили в Коми АССР.

Пока Леня отбывал срок, Соломон поступил в Одесский государственный университет им. Мечникова на экономический факультет. Он работал над собой и, стараясь стать образованным человеком, практически не использовал одесский уличный жаргон, говоря по-русски чисто, без акцента. Жизнь шла своим чередом, парень вырос и из студента превратился в дипломированного специалиста. Но бизнеса как такового в Советском Союзе просто не было. В стране существовала только спекуляция, которая преследовалась законом. Соломон это прекрасно понимал и, еще будучи студентом, наладил отношения с моряками, которые привозили из заграницы пластинки групп «Битлз», «Бони Эм», «Пинк Флойд» и других популярных исполнителей. Покупая этот контрабандный в то время товар, Соломон продавал его фарцов-

щикам из Москвы и Ленинграда, туристам из России... Да вообще всем желающим. Накидывал он обычно двести процентов, но если клиентом был перекупщик, то делал скидку.

В городе большинство карманников, орудовавших на Приморской, знали, что Соломон – брат Лени Ворона. Кличку эту Леня получил благодаря фамилии, которая с немецкого «рабе» означала «ворон». На Молдаванке же обреталось много евреев, а идиш был схож с немецким. Многие взрослые говорили, что у Раппопортов даже есть свой герб с изображением ворона и что к этой фамилии принадлежит немало ученых, раввинов, да и просто людей интеллигентных. Теперь же все поменялось. Соломон Раппопорт продавал контрабандно ввезенные пластинки, а его брат Леня сидел в тюрьме за разбой.

Марк Абрамович не дождался возвращения сына. Он умер от инсульта, разбившего его прямо на уроке в школе в 1981 году. Хая горевала по мужу сильно. Она любила его всем сердцем, несмотря на то что постоянно ворчала.

Жизнь на Молдаванке меж тем шла своим чередом. Гриша Крамер работал у отца, уже практически полностью взяв все в свои руки. Яша Амзель, поделщик Лени, вернулся с зоны в январе 1982-го. Теперь его из-за охрипшего навсегда голоса называли Яша Сиплый. Отбывая срок на Колыме, он с сокамерниками раздобыл где-то самогон. Яша первый решил испробовать напиток и залпом глотнул полстакана. Оказалось, что это не самогон вовсе, а чистый спирт. Смелчак обжег себе горло, и голос после этого сел. Оказавшись на воле, Яша в первый же день навестил Раппопортов. Всегда веселый и жизнерадостный, лупоглазый, кудрявый, щупленький брюнет маленького роста, с большим носом, Яша остался таким же веселчаком и юмористом, каким и был прежде. Годы тюрьмы не сильно его изменили. На самом деле Яше повезло. Он попал сначала на зону, а спустя два года его перевели на вольное поселение за хорошее поведение.

Тогда Соломон спросил:

– А Леня как сидит?

Улыбки Яши после этого вопроса как не бывало. Хорошо еще, что парни в тот момент сидели во дворе на скамейке вдвоем. Соломону сразу стало ясно, что брату тяжело приходится.

Яша не стал уходить от ответа и сказал:

– Мона, брательник твой сидит в *Устимлаге*⁴. Там несладко. Плюс... – Он запнулся. Сердце у Соломона сжалось, когда он представил себе, как брат сидит в темнице. – Плюс... – продолжил Яша, – он полное отрицалово! Нам *малявы*⁵ приходили постоянно. Леня же вечно на строгаче... из *бура*⁶ не вылезает. Жестко ему там...

Соломону стало не по себе от этих слов. Парень жил лишь надеждой рано или поздно увидеть брата. Писал Леня редко, от силы раз в год. И письма эти больше походили на записки, состоящие буквально из нескольких фраз, по типу «У меня все хорошо» и «Осталось немного, я скоро вернусь».

За эти годы Соломон сильно изменился. Он стал высоким, симпатичным парнем, с волнистыми волосами и умным взглядом черных глаз. Хая, взглянув порой на сына, плакала и говорила, что «ее Мона стал копия похож на Леню». Теперь же оставалось совсем немного, и время шло все медленней и медленней.

---

⁴ Так называли Управление лагерями Коми АССР.

⁵ Письма (*тюремный жаргон*).

⁶ БУР – барак усиленного режима. Одиночная камера, куда попадают нарушители порядка в тюрьме.

Глава 5

В середине мая 1982 года Соломон пришел домой около десяти вечера. Зайдя в квартиру, он сразу увидел на пороге незнакомые мужские ботинки. Очень грязные и дешевые, какие носят рабочие. Не поняв, чья это обувь, парень шагнул на кухню. И только он вошел, как увидел его – своего брата. Сияющая мать сидела за столом, напротив нее ел заливную рыбу Леня, что-то эмоционально рассказывающий. Он сидел спиной к Соломону и не видел, как пришел брат, но, заметив взгляд матери, устремившийся к входу, Леня бросил еду и, вскочив со стула, развернулся. На Соломона смотрел уже совсем взрослый мужчина, худой, изрядно поседевший и постаревший, наряженный в дешевые рабочие штаны и белую майку. От прежнего Лени остались только гордая осанка да горящие черные глаза, в которых чувствовались властность и огромная сила. Его счастливая, гордая улыбка не была лишена, однако, надменности наглости. В Лене сразу чувствовался лидер, привыкший отдавать приказы и не подчинявшийся никому. Радости братьев не было предела. Ничего не говоря, они крепко обнялись. Младший брат что есть силы сжимал старшего и не хотел отпускать. Леня же, довольно улыбаясь, все приговаривал:

– Ну, Моня, ты и вымахал! Дядька целый стал!

Соломон молчал. Наконец-то вернулся его брат! Его кумир! Его идол!

Наевшись, Леня поблагодарил мать и предложил Соломону выйти на воздух, прогуляться. Время было уже одиннадцать часов вечера, и большая часть жильцов либо спали, либо отдыхали в своих квартирах. Братья вышли во двор, сели на скамейку. Леня достал из кармана пачку папирос «Беломорканал», дунув в одну и закурил. Выпустив дым, он спросил:

– Ну шо тут, Моня? Какие дела были, пока меня не было?

– Да я тебе так сразу не расскажу... – улыбался Соломон. – Столько лет... Я отучился... вот теперь... – Он замолчал, не зная, как объяснить брату, чем теперь занимается.

Леня пристально посмотрел ему прямо в глаза:

– *Ботай, не менжуйся!*⁷ Надеюсь, ты все по понятиям делаешь?

– Я пластинки продаю! – выдохнул Соломон. – Импортные... у матросов покупаю и... продаю. Вот так!

Леня засмеялся:

– Братишка, да ты никак фарцовщиком стал?

– Ну... у нас в стране это так называется, – кивнул Соломон.

– Ладно! И то нормально! – Леня снисходительно потрепал брата по голове, а потом, резко посерьезнев, сказал: – У меня есть малява до смотрящего за городом! Завтра до него пойду. Потом тебе хорошую работу найду. Законную и чистую. Ты ж не зря учился! Будешь *гешефтмахером!*⁸

– Да уж... – опустил голову Соломон, счастливый оттого, что рядом опять есть старший брат, такой сильный, влиятельный и уважаемый всеми. – Сейчас смысла нет где-то работать! Я с нескольких пластинок зарабатываю больше, чем любой завмаг или товаровед в магазине... – начал было он делиться своими мыслями, осторожно прощупывая почву.

– Ну хорошо, а какие у тебя идеи? – ухмыльнулся Леня. – Ты мне маяк кинь, а я шонибудь придумаю!

– Идея такова. Фарцовщики покупают у матросов варенки... это джинсы модные, импортные. Так вот, я примерно подсчитал: смысла покупать за бешеные деньги привозной товар нет. Намного выгодней шить джинсы тут, варить их, нашивки модных фирм лепить...

---

⁷ Говори, не стесняйся (*блатной жаргон*).

⁸ Предпринимателем (*идши*).

«Монтана» там, «Левис» всякие... не важно... продавать! Себестоимость выйдет в разы дешевле.

Леня внимательно выслушал брата и удивленно спросил:

– А шо так покупают их? Эти варенки?

– Еще как! – с жаром воскликнул Соломон. – Особенно маскали!

– Так а шо ты это раньше не заварганил?

– Есть проблема одна... У нас на Молдованке много где в подвалах есть подпольные цеха.

А есть и такие, где *ханку*⁹ продают, а еще водку, морфий, анашу... На Осипенко что угодно можно сейчас купить!

– Это цыгане там так барыжат? – хмыкнул Леня.

– Да, брат! Там сейчас притон на притоне! И не ровен час, всю эту подпольную корпорацию накроют менты! А я со своими джинсами не хочу под шумок залететь.

Леня улыбнулся. Ему нравилось, что брат так вырос, причем не просто вырос, а стал еще и смотреть на два шага вперед.

– Сейчас смотрящий за городом Флинт, – стал рассуждать Леня. – За него много говорят по лагерям. Он *марвихер*¹⁰законный. Очень уважаемый парень. При понятиях. Как он допускает такое?

– Он не допускает, – ответил Соломон. – Флинт против наркотиков. Но к цыганам не лезет. Они ментам платят! Блатные не лезут. Но как только начальник милиции придет другой, цыган всех пересажают!

– Н-да... – задумчиво протянул Леня. – Поменялось тут все, я смотрю.

– Да, брат, еще как! – согласился Соломон.

– Слушай, Моня, скажи мне... – с интересом спросил Леня, – а как Зива поживает? Ты ее видел?

Соломон никогда не любил Зиву Гольдштейн, подругу Лени с улицы Орджоникидзе. Ее мать была аферисткой и в свое время сидела в тюрьме за мошенничество, а отец – карманник и наркоман, который вообще из тюрьмы не вылезал. Выйдет на месяц-два и обратно.

– Видел ее на Привозе... месяц назад... ничего. Ходит, что-то делает... людей разводит.

– Уверен? – спросил с интересом Леня.

Соломон в ответ лишь ухмыльнулся:

– Мы как-то с Георгием зашли в шашлычную на углу Чичерина... ну, так вот... она там с каким-то фраером сидела богатым, поила его. Так пока мы кушали, она его накачала, он и вырубился, а она с его деньгами убежала!

Леня громко расхохотался и закинул ногу на ногу:

– Вот Зива! Так же *шлифует фраерам уши*!¹¹

– Ну да, так и есть.

Только сейчас Соломон увидел на босых ногах брата наколки. На лодыжке с внешней стороны – голова котенка с бабочкой на шее. Никогда раньше не видел он таких рисунков, да еще и на ногах. Не удержавшись, Соломон спросил:

– А что это, Леня? Что значит кот?

Брат глянул на ногу и ухмыльнулся:

– Тебе это интересно?

– Ну так... конечно! Что касается тебя, мне все интересно.

Леня улыбнулся:

---

⁹ Опий-сырец, наркотик для внутривенного применения.

¹⁰ Вор высокой масти (*одесский еврейский жаргон*).

¹¹ Обманывает людей (*одесский жаргон*).

– Понимаешь... я принадлежу к определенной масти! Воровской масти! И котятка – это... – Он сделал паузу, а затем продолжил: – Когда этап заходит в душ, блатные и воры сразу смотрят на ноги, чтоб знать, кто тут свой.

– А что это у тебя наколки на левой ноге с обеих сторон, а на правой только снаружи?

– Это, брат, уже изворотливые урки придумали, чтоб обмануть всякое мразье. Но тебе это ни к чему. Главное, ты знаешь, кто твой брат! – подвел итог Ленья. – Короче, завтра я поботаю со смотрящим за городом и с *хеврой на бану*¹² подумаем, как лучше тебе помочь организовать свое дело.

– Спасибо, брат! – обрадовался Ленья.

Братья крепко обнялись и, посидев еще немного, пошли домой.

На следующий день Ленья уже договаривался с Флинттом о новом деле. Смотрящий за городом был примерно ровесником Лени, правильным и щепетильным. Кличку Флинт он получил из-за того, что, будучи еще двадцатилетним юнцом, обокрал ювелирный магазин «Остров Сокровищ» и был пойман. Так он получил свой первый срок вместе с прозвищем.

На второй день после возвращения Ленья не появился дома. Но по городу уже разнесся слух, что Ленья Ворон в Одессе. Днем он мелькал то в порту, то у оперного театра, то на Привозе. А уже вечером Ленья, одетый в дорогой серый костюм-тройку и новенькие лаковые туфли, гордой походкой заходил в ресторан гостиницы «Красная». Ворон презрительно окидывал взглядом окружающих, а завсегдатаи ресторана украдкой кидали взгляды на него и его спутницу. Ей же была не кто иная, как та самая Зива, жгучая брюнетка с большими зелеными глазами, которые горели, как у кошки в ночи. На ней было черное вечернее платье из гипюра, которое вызывающе обтягивало все прелести девицы. Зива давно уже привыкла, что мужчины смотрят на нее, обладательницу шикарной фигуры и красивого лица, голодными щенячьими глазами. Она пользовалась своей красотой, морочила представителям сильного пола голову и, получив желаемое, оставляла воздыхателя с носом. Зива была очень хитра и артистична. Быть аферисткой – вот ее настоящее призвание. Но с Леньей ситуация сложилась совсем иная. Ворон всегда был впереди Зивы, просчитывавшей свои действия на три шага вперед. Свои первые большие дела девушка и провернула именно под руководством Лени. Зива была на пять лет младше Ворона, с которым познакомилась еще в детстве. Она признала силу его ума и полностью подчинилась ему. Ворон был единственным человеком, которого Зива уважала, боялась и, не признаваясь себе в этом, любила. И вот он появился – спустя семь лет!

Одесские блатные выделили Лене подъемные деньги, чтобы он мог привести себя в порядок. Зива же помогла возлюбленному найти у знакомой спекулянтки импортный костюм и туфли. Теперь, держа Ленью под руку, она чувствовала себя как за каменной стеной. Город принял Ворона уже как авторитетного блатного, отсидевшего полностью свой срок, как и положено уважаемому вору.

Спустя две недели недалеко от 103-й школы на улице Буденного, в одном из подвалов, Соломон открыл цех по производству «импортных варенных джинсов». Флинт объявил всему городу, что «Моня Раппопорт под защитой!». Ленья же объяснил брату, что никто его не тронет и платить «налог» на услуги не нужно. Просто иногда, после заключения хороших сделок, будет нелишним «уделить внимание друзьям» и отправить небольшую сумму блатным в виде подарка.

Соломон договорился с моряками, и через месяц склад в его цеху был забит необходимым джинсовым материалом, привезенным из-за границы и стоящим там копейки. Из этого материала шили джинсы, на которые потом в одном из подпольных цехов Молдаванки нашивали логотипы импортных фирм, вроде *Mantana, Levi's, Rifle*. Мастерская Мони Раппопорта была единственной в Одессе, где делали товар такого качества. Хозяева цеха приняли пред-

---

¹² Банда на вокзале (*одесский еврейский жаргон*).

ложение Соломона и теперь не продавали нашивки никому, кроме него. Он же забирал у цеховиков все нашивки, какие только они могли предложить, даже если производству такое количество биронок не требовалось. Зато больше никто не мог купить «фирменную» нашивку и налепить ее на обычные советские джинсы, сваренные на кухне в ведре.

Первая партия джинсов разлетелась как горячие пирожки. Заработок был внушительным, но скрупулезный и дальновидный Соломон не терял голову, а спрятал деньги на черный день. Он так решил с самого начала: первую выручку спрячет в тайник. Продав вторую партию московским фарцовщикам, парень принес заработанное старшему брату. Леня гордо улыбался, глядя на брата, а потом, потрепав его по щеке, сказал:

– Зачем мне этот *гембель*¹³, Моня? Ты умница! С тебя выйдет толк. А башли отдай матери, мне не нужно.

Сумма была внушительная. По тем временам на вырученные деньги можно было купить автомобиль. Но Соломон понимал, это заработок временный, рано или поздно тема с варенками перестанет приносить такой доход. Поэтому расчетливый парень стал копить капитал, интересуясь настоящими, легальными делами. Но, к сожалению, в Советском Союзе бизнес был пока под запретом.

---

¹³ Неприятные обязанности (*идши*).

Глава 6

Шел 1985-й год. Весной во главе государства встал Горбачев. Народ в СССР жил по-прежнему бедно, но надежды на светлое будущее не угасали. Одесситы же вообще всегда ко всему относились с юмором, а потому частенько высмеивали свою примитивную жизнь. Преступность по всей стране росла. На одесской Молдованке еще со времен революции обрелись преступники всех мастей: налетчики и карманники, аферисты и проститутки, грабители и воры... Они никуда не делись, только адаптировалась к новым временам. Так, на родине подпольных цехов появились первые рэкетеры. Предлагая коммерсантам свою защиту, дюжие ребята вымогали у них долю от доходов в нелегальной коммерческой деятельности, называя это «крышей». Главным в городе считался по-прежнему Флинт, но появились и более мелкие лидеры, пытающиеся отжать кусок пожирней. Это привело к бесконечным разборкам и даже локальным войнам.

Леня по кличке Ворон был известен в лагерях под прозвищем Одессит. Он был одиночкой, презиравшим новые правила и понятия. Его идеалы были тесно связаны со старыми воровскими традициями. Леня никогда не применял физическую силу, решая любой вопрос разговором. Да, он воровал и занимался мошенничеством, но был далек от наркотиков и рэкета. Тем не менее Леня был не из робкого десятка и силу своего духа показал еще на зоне, когда, не сломавшись перед режимом и не подчиняясь власти, постоянно попадал в карцер. Дела свои Ворон вел в основном с двумя подельниками, Яшей Сиплым и Зивой. При необходимости он приобщал к делу одесских карманников, которые знали его и искренне уважали.

Соломон в это время был полностью погружен в работу и неплохо зарабатывал. Он предлагал брату работать вместе, но Леня в ответ лишь улыбался и отвечал, что гордится бра-тишкой. Но легальная работа не была его призванием. Он не мог вести размеренную жизнь простого обывателя, стихией Лени была улица. Перебиваясь мелкими делами, типа обворывания туристов, Ворон ждал большого дела. И вот наконец-то ветер подул в его сторону, запахло большими деньгами.

Апрельским вечером 1985-го Леня вышел во двор покурить на скамейке. Соломона дома не было, мать уже спала. Почти докурив папиросу, Ворон увидел мелькнувшую тень, и через мгновение перед ним предстал сосед, Гриша Крамер. Сын ювелира и сам тоже ювелир.

– Леня, шалом! – весело поздоровался Гриша.

– Привет, Гриня! Шо не спишь?

– Да не до сна сейчас. Работать надо.

– Молодец! Вот Крамер как воспитал тебя, – засмеялся Леня.

Гриша был младше, и Ворон пару раз помогал его отцу найти украденные у него из мастерской вещи.

– У меня до тебя разговор имеется, – заговорщицки понизив голос, прошептал Гриша.

– Ну, ботай! – усмехнулся Леня, не воспринимавший всерьез соседа.

Гриша сел на скамейку и тихо, но с энтузиазмом, начал рассказывать:

– Короче, цацка одна есть... фильдеперсовая... очень дорогая...

Гриша замялся, но Леня уже почуял запах денег и начал подгонять знакомого:

– Говори, не тяни!

– Так вот... Это не просто цацка... Это венец императрицы, который еще Болин сделал в 1900 году. Там 23 карата... Ты понимаешь, о чем я?

Леня напрягся:

– Да уж не совсем дурак, понимаю. Ботай дальше.

– Так вот... все совпало так, шо венец этот везут в Москву через Одессу!

– Да ну? – удивленно воскликнул Леня.

– Шоб меня! – поклялся Гриша. – Ты дослухай! Шепнул мне тут мой знакомый француз, что один иностранец купить его хочет.

– Почему? – с нетерпением спросил Леня.

– Не поверишь, – важно ответил ювелир. – Готов отвалить огромные бабли. Миллион франков ихних!

Уже само слово «миллион» привело Леню в шок, но он, быстро взяв себя в руки, небрежно спросил:

– А ты так уверен за него? За этого француза?

– Да я не первый раз с ним дела кручу. Он надежный малый. Я просто не стал все подробности расспрашивать. Думал, с тобой поботаем сперва.

– Да... – Леня задумался, Гриша ему не мешал. Помолчав с минуту, Ворон решился: – Делаем так. Завтра ты все подробно разузнаешь, часа в четыре встречаемся в кафе «Два Карла». Там и порешаем все!

– Идет! – радостно согласился Гриша и убежал домой.

Ворон снова закурил и принялся раздумывать над услышанным. Чутье подсказывало ему, что это шанс сорвать большой куш. Миллион франков на черном рынке делал сто пятьдесят тысяч рублей! Это были сумасшедшие деньги. Его мать, работавшая в больнице поваром, получала сто пятьдесят рублей в месяц. Соломон зарабатывал со своих «варенок» от силы тысячу в месяц. А тут такие деньжищи! В конце концов Леня вернулся домой и в приподнятом настроении лег спать.

На следующий день на углу улиц Карла Маркса и Карла Либкнехта появились Леня, Яша и Зива. Они зашли в кафе «Два Карла» и, устроившись за угловым столиком, заказали себе чай. Не прошло и десяти минут, как к ним подошел Гриша Крамер.

– Шалом всем! – весело поздоровался парень.

– И тебе не хворать! – также весело ответил Яша. – Взбаламутил ты нас, Гриня. Шо за гоп-стоп у тебя?

– Сейчас все расскажу подробно. Итак, вещь эту, шо я говорил Лене, после революции украли. Все эти годы ее никто в Союзе не видел. Теперь же какая-то большая шишка из Москвы договорился с каким-то польским фармазоном, который предложил ему эту вещь купить. Везет ее сюда наш посол в Турции, который должен приплыть из Стамбула в Одессу, а отсюда уже на самолете податься в Москву.

– Так это получается контрабанда? – спросил Леня.

– Ну конечно! – улыбнулся Гриша. – Официально-то такой цацке место в музее. Это же диадема самой императрицы России! Но заказчик – человек большой.

– А шо будет делать с цацкой этот большой человек в Москве? – задал вопрос Яша.

– А я знаю? – удивился Гриша. – Жинке, наверное, подарить хочет.

– Ботай дальше, Гриня, – серьезно скомандовал Леня.

– Ну, так вот... – послушно продолжал Крамер, – цацку везет сам посол. В Одессе он, скорей всего, не задержится, сразу полетит в Москву. Как его обчистить, этого я не знаю. Вам видней. А вот как продать цапку – это ко мне.

– Ты уверен во французе, шо хочет купить вещь? – спросил Леня.

– Я ж тебе говорил, Леня, на все сто уверен! Не первый год с ним работаю.

– Когда приезжает курьер? – начал выведывать детали Ворон.

– В том-то и проблема! – вздохнул Гриша. – Никто не знает, но говорят, шо со дня на день должен быть.

Леня задумался, Яша продолжал выспрашивать у Гриши незначительные детали, Зива молчала. Наконец, собравшись с мыслями, Ворон выдал:

– Мы стащим эту цацку у посла. Когда он приедет, узнаем сегодня же. – Он отпил чай и продолжил: – Встречаться с французом мы не будем. Ты сам передашь ему вещь, заберешь башли и отдашь нам. Только имена не вздумай ляпнуть наши, Гриня! Смотри у меня!

– Да ты шо, Лень! Я ж все понимаю! – возмутился Гриша.

– Долю с наших башлей хочешь или как? – продолжал Ленья.

– Мне бы лучше от вас... – промямлил ювелир. – А то ж... валюта... опасно это! А вы рубли мне дадите сразу.

– Идет, – согласился Ленья. – Тогда тему делаем вчетвером. Получаем равно, расходы вычтем, делим по пятой части. Одну пятую отдаем в общак блатным, на общее воровское. Помощь, может, кому в зону отправят, ну или еще что...

– Два миллиона франков! – внезапно послышался голос Зивы. Все удивленно посмотрели на молчавшую все это время девушку, а та решительно продолжала: – Или триста тысяч долларов. Хочет – пусть рублями дает! Триста тысяч!

– Но... это же... много! – возмутился Гриша. – Вы представляете, шо это за деньжищи? Да на них можно всю Молдованку купить...

– Послушай сюда! – твердо заявила Зива. – Если твой француз дает миллион, значит, готов дать и два. Ценность этой цацки не в камнях. Это ж антиквариат! Музей любой страны отвалит за нее и пять миллионов! Так шо не рыпайся и скажи своему барыге, шо два миллиона берем... Это если франков.

Ленья улыбнулся и добавил:

– Она тему базарит, Гриня! Француз твой шо за фраер? Может, к другой хевре обратиться?

– Да нет! – махнул рукой Гриша. – Какой там фраер... так, еле-еле поц какой-то! Не пойдет он ни к кому. Надо два, скажу два, мне ж лучше!

– Ну вот видишь, Гриня, – попытожил Яша, – скоро вся Дерибасовская будет твоя. Цацки свои продавать иностранцам будешь.

– Скажешь тоже, – скромно заулыбался ювелир. – Ладно, ребя, я побежал?

– Давай, – кивнул Ленья. – Вечером во дворе поботаем, шо к чему!

Едва Гриня ушел, как Яша с жаром выпалил:

– Ленья, шоб меня покрасили, но там зреют огромные башли!

– Ша, Яша, – хладнокровно остановил друга Ленья. – Надо все красиво сделать! А то загремим в *Одеколон!*¹⁴

– Как мы узнаем, когда приедет до Одессы тот посольский поц? – спросила Зива.

– Узнаем, – интригующе улыбнулся Ленья. – Пойдем в «Братиславу», тут по Маркса два шага до Дерибасовской. Там точно узнаем.

Яша с Зивой переглянулись, довольные, что Лене пришла в голову такая отличная идея. Ресторан «Братислава» на Дерибасовской был пристанищем моряков, где они каждый день напивались, торговали и делились информацией. Спустя двадцать минут троица уже входила в заведение, в котором, несмотря на то что вечер только начался, было уже весело и шумно. В большом зале старого, можно даже сказать старинного, ресторана «Братислава» за накрытыми белыми скатертями столами сидели небольшие компании. В основном это были мужчины, но попадались и женщины, как правило, легкого поведения. Певица на сцене выводила под лихой аккомпанемент ансамбля популярную тогда «Червону руту» Софии Ротару. Две вызывающе одетые девушки отплясывали на танцполе. К ним пытался пристроиться сильно пьяный мужичек лет пятидесяти, который больше шатался, чем танцевал. Подбежавший метрдотель хотел было уже сказать, что свободных столов нет, но Яша опередил его, ловко сунув

---

¹⁴ Так одесситы называли одесскую колонию.

ему в карман пятирублевую купюру. Усатый, толстый мужчина мгновенно расплылся в улыбке и вежливо произнес:

– Добрый вечер, дорогие гости! Позвольте-таки проводить вас за столик!

– Валяй, – вальяжно кивнул Яша и друзья зашагали по залу.

Разместившись за столиком, Яша, заказал бутылку водки «Столичная», лимонад «Бура-тино», колбасу копченую, лимон, форшмак из селедки и запеченную камбалу. Леня и Зива все это время незаметно оглядывали окружающих, выбирая подходящего «языка». За одним из столов сидели два изрядно подвыпивших парня лет двадцати пяти – двадцати семи, пожиривших голодными глазами танцующих девушек. Они были хорошо сложены и подтянуты, явно моряки. Леня, понаблюдав за ними с полминуты, быстро взглянул на свою спутницу, которая улыбнулась в ответ и выразительно моргнула, давая понять, что это и есть их клиенты. Принесли заказ, и друзья, немного выпив и закусив, приступили к выполнению своего плана. Зива встала и, изображая подвыпившую посетительницу, шатаясь, подошла к ребятам.

– Хлопчики, – заплетаящимся языком произнесла девушка, – шо скучаете? Такие симпатяги...

Расправив плечи, парни сразу приободрились. Один из них был темный и кудрявый, второй – светленький, почти альбинос. Брюнет весело ответил Зиве:

– Да как жеш тут не скучать? Одиноко нам без таких *гарных дивчин!*¹⁵

– Ну-таки а шо вам мешает пригласить до вашего стола? – удивилась Зива.

– Таки мы уже пригласили! – смело произнес кудрявый. – Сидай с нами! Просто ты не одна вроде...

– Таа... – пренебрежительно махнула рукой Зива в сторону своих друзей. – Это моя охрана. Ничего личного.

– Охрана? – удивился альбинос. – Ты шо, министр?

Ребята весело засмеялись.

Зива плюхнулась на стул, картинно закатила глаза и тяжело вздохнула:

– Понимаешь, Одесса – опасный город... А мой мужчина... – она подняла палец вверх, – шибко большой человек! Но это... – и Зива приложила палец к губам, показывая собеседникам, что выдает им страшную тайну, а потом, словно спяну забыв, о чем только что говорила, спросила: – А как вас звать-то, хлопчики?

– Богдан! – представился альбинос.

– Николас! – не заставил себя ждать брюнет. – А вас как величать?

– Зина, – улыбнулась девушка и пожала вначале руку Богдану, а потом вложила свою изящную ладонь в руку Николасу и, нежно взглянув парню в глаза, продержала ее чуть дольше, чем нужно.

Этого хватило. Брюнет заволновался. Зива была обворожительна. Алое платье облегалo ее точеную фигуру, а глубокое декольте совершенно не скрывало роскошную грудь.

– Николас, ты одессит? – с придыханием спросила девушка, пожирая парня зелеными, кошачьими глазами.

– Д-да... – растерянно ответил тот, пытаясь собраться с мыслями. – Я моряк... мы моряки... А вообще-то я грек, тут вырос просто... на Либкхента...

– Так шо у тебя за хахель такой, шо ты тут оставила двух хлопцев за столом и пересела к нам? Шо за бред? – возмущенно выпалил Богдан, который, несмотря на опьянение, понимал всю абсурдность ситуации.

Однако Зива была готова к такому повороту, ей хватило одного взгляда, чтобы сделать ставку на Николаса. Теперь ей оставалось доиграть свою роль до конца и выудить информацию. Девушка перешла в атаку: приняв надменный вид, она резко ответила Богдану:

¹⁵ Красивых девушек (укр.).

– Молодой человек, вам-таки надо надеть себе глаза на морду, иначе вы точно себе приделаете что-то нехорошее! Я шо не ясно сказала, шо два хлопца меня охраняют? Или вы хотите-таки, шоб они угомонили ваши таланты? – От такого напора Богдан обомлел, Зива же подняла рюмку, полную водки, которую налил ей Николас, залпом выпила, закусил кусочком черного хлеба и, повернувшись к греку, добавила: – Николас, почему вы так скучаете? Я обязана поднять вам настроение!

Парни переглянулись. Все происходило очень быстро, Зива не давала им собраться с мыслями. В этот момент певица на сцене заголосила песню Аллы Пугачевой «Ледяной горою айсберг». Песню эту заказал шустрый Яша, точно рассчитавший время, необходимое Зиве. Девушка встала со стула и, едва не упав, протянула руку Николасу:

– Пригласишь меня на танец? – спросила она нежно.

Моряк не растерялся. Он вскочил, опрокинул рюмку водки для смелости и, тяжело дыша, повел девушку к сцене, взяв ее за руку. По дороге к танцполу Зива артистично подняла вверх правую руку, сделав в воздухе два круга. Выглядело это так, будто пьяная особа просто веселится. На самом же деле это был сигнал Лене и Яше. Ждать долго не пришлось, в течение минуты ребята уже сидели рядом с Богданом и вели беседу по душам, подливая парню водки. Зива в этот момент обвила руками шею Николаса и, прижимаясь к нему всем телом, подняла на него свои бездонные зеленые глаза:

– Николас... ты мне... понравился... сразу...

– Ты мне тоже очень понравилась, – осмелев, ответил моряк, уже представляя себе, как он этой ночью окажется в постели с этой обворожительной красоткой.

Зива между тем продолжала:

– Мой... мужчина... он посол. Только это секрет!

– Да, да, конечно... – закивал моряк.

– И дело в том... – протянула Зива, – что... О господи! Какая я дура... – вдруг воскликнула она.

– Почему? Что за глупости? – не понял грек.

– Я хочу тебя, Николас! – выпалила резко красотка и проникновенно посмотрела парню в глаза. – Не думай только обо мне плохо... я просто устала быть рабой!

– В каком смысле? – не понял моряк, который уже ни о чем другом и думать не мог, в голове только и крутилось: «Сегодня мы будем вместе! Это точно!»

Фраза «Я хочу тебя!» была в ушах барабаном, а все остальное в затуманенном алкоголем мозгу смешивалось в неясное бормотание. Николас решил, что свою случайную подружку нужно выслушать, посочувствовать, а потом вести в гостиницу!

Ответить воздыхателю Зива не успела: песня закончилась. И сразу же на глазах девушки появились две едва заметные слезинки. Подойдя к столу, парочка увидела хохочущего над каким-то рассказом Яшки Богдана. Заметив подошедших, Леня ткнул своего друга локтем в бок, и тот резко замолчал.

– Зинаида Алексеевна, все нормально у вас? – заискивающе спросил Леня.

Зива в ответ повелительным тоном произнесла:

– У меня все хорошо. А вы что не за своим столом?

– Да все нормально! – воскликнул Богдан, отвечая за ребят. – Пусть с нами сидят. Мы выпьем немного вместе. Да, хлопцы?

Леня с Яшей скромно закивали. Зива, махнув рукой, взяла сумочку и обратилась к Николасу:

– Проводишь меня до уборной?

– Конечно! – согласился тот, и они зашагали к выходу.

– Мне надо на воздух, – вздохнула девушка.

Выйдя на улицу, Зива уронила голову на грудь своему спутнику и стала всхлипывать:

– Понимаешь, Николас... мне так тяжело... я содержанка у человека... которого не люблю! Он наш посол в Стамбуле... и...

Рыдания сотрясали девушку. Николас не знал, что делать дальше, понимая лишь одно: ему наплевать на ее жизнь и проблемы! Сейчас в нем говорила только похоть. Парню хотелось сорвать платье с красотки и овладеть ею. Грубо и жестко. Но надо пока молчать! Пусть выскажется, а потом он ее поведет успокаивать. Пока Богдан будет бухать с ее провожатыми, они уже окажутся в гостинице.

Немного успокоившись, Зива продолжила рассказ:

– Понимаешь, он должен со дня на день приехать... Это, может быть, завтра, может, послезавтра... я даже не знаю когда! И если меня не будет утром дома... он меня... убьет!

– Таки в чем проблема? – не поняв ничего, спросил Николас.

– В том, – продолжала девушка жалобным тоном, – что его судно из Стамбула прибывает утром. Но когда? На каком именно он приедет – этого я не знаю. Провожатым моим наплевать, где я и с кем. Если они будут точно знать, что хозяин не заявится утром, я смогу уйти. А пока что... – Она посмотрела печально на дорогу. – Пока мне надо идти домой. Вдруг утром он приедет?..

– Так из Стамбула в среду приходит! – воскликнул Николас. – Сегодня ж четверг! Точно не придет!

– Да я ж не знаю точно, сладкий мой, – печально произнесла Зива. – Каждый день приходит из Стамбула кораблик...

– Да шо ты мне гутаришь?! – с жаром продолжал грек. – Посол может только в среду приехать. На пароме. И он... точно... он приезжает в среду, семнадцатого!

– А ты откуда так уверен? – удивилась Зива.

– Да... – махнул рукой парень, радуясь тому, что так легко преодолел преграду и девушка почти у него в руках. – За твоего посла до нас уже подходили! Спрашивали... шо мол и как? Когда приезжает? У всех моряков ходил хлопец один интересовался... вот я и знаю оттуда!

Зива насторожилась, но не подала виду и, продолжая дальше играть свою роль, изобразила подобие улыбки, полной надежды:

– Если это точно... значит...

– Да точно это! – радостно воскликнул Николас и, обхватив ее рукой за талию, резко прижал к себе. – Так что мы можем с тобой сегодня пошалить!

Зива не сопротивлялась. Она игриво улыбнулась:

– Давай вернемся ненадолго назад, я договорюсь с ребятами, чутка выпьем, а потом... я буду вся твоя!

– Ну пошли, – согласился моряк. – Только недолго посидим, а то ты ж меня с ума сведешь! Парочка направила назад.

Зива сразу же как бы между прочим поинтересовалась:

– А кто, кстати, его еще спрашивал? Посла-то моего? – Она хихикнула. – Уж не завелась ли у меня конкурентка?

Николас расхохотался:

– Да не поверю, чтоб у тебя конкурентка появилась! Тебе ж равных нет! – И добавил, видя, что девушка ждет более внятного ответа: – Из воришек наших, одесских, с Морвокзала. Бегали два шкета вчера, у всех моряков спрашивали: мол, когда посол из Стамбула приедет да на каком пароме? Ерунда, в общем!

– Ну да, – согласилась Зива, понимая, что дела плохи.

Ей стало ясно: не они одни ждут посла.

Вернувшись к столику, Зива с Николасом застали Богдана, по-прежнему смеющегося над рассказами Яши, и Леню, спокойно наблюдавшего за происходящим.

– Ребятки, наливайте! – скомандовала Зива. – Ваш шеф придет в среду! Так шо гуляем по полной!

Яша прекратил свой рассказ и стал разливать водку по рюмкам. Богдану не понравилось, что оборвали его собеседника, и он, нагло посмотрев на Зиву, спросил:

– Шо за шеф? Шо ты нам все тут мешаешь?

Девушка явно ему не нравилась или же, наоборот, нравилась слишком сильно, и он злился, что внимание она обратила не на него. Леня посмотрел на парня и дружелюбно ответил:

– Да мы ж говорили тебе, шо она краля одного большого человека. Он на днях приплыть должен из Стамбула.

– Посол? – спросил Богдан, глядя осоловевшими глазами на Леню, который, не выказывая ни малейшего удивления, спокойно ответил:

– Да, он самый.

– Пф... – Богдан мотнул головой в сторону и добавил: – Его вся Одесса ждет... Милиция... карманники... Кто-то там еще... Краля вот эта... – показал он глазами на Зиву.

Тут уже удивлению троицы не было предела, но Леня и его друзья были опытными аферистами, и ни один из них даже бровью не повел, услышав слово «милиция».

Зива в мгновение ока сориентировалась и, округлив глаза, воскликнула:

– Милиция! Таки шо ты балаболишь?! Шо за басни?!

Николас серьезно спросил Богдана:

– А когда за него милиция спрашивала?

– Та утром же ж... сегодня... – заплетающимся языком ответил Богдан. – Ты ж спал... а я с кассиршей... это... ну и менты пришли... в Морвокзал...

Парень замолчал. Видимо, ему становилось плохо, и он сделал глубокий вдох, чтоб все съеденное и выпитое не вышло наружу.

– И шо спрашивали? – с нетерпением протараторила Зива, видя, что собеседник вот-вот выйдет из строя и уже ничего не скажет.

– Да... ничего такого... ждут его... все... – Он икнул и попытался встать со стула, но безуспешно.

Леня сделал незаметный знак Яше, и подельник в мгновение ока исчез. Зива все поняла и, изображая панику, ноющим голосом попросила Николааса:

– Уведи его до туалета! Не видишь, что ли, ему плохо! Я тебя тут жду!

– Вот Богдан! – недовольно воскликнул грек и, подхватив друга под мышки, поволок его к выходу. – Пять минут, красавица! Я вернусь!

– Я жду тебя, – обворожительно улыбнулась Зива.

Едва моряки вышли, как Леня скомандовал:

– Уходим! Яша счет закроет и догонит нас.

Они с Зивой быстрым шагом вышли из ресторана и направились по улице Карла Маркса. Свернув на Ласточкину, дошли до Оперного театра и остановились там, молча ожидая прихода Яши. Сиплый не заставил себя долго ждать и прибежал буквально через минуту.

– Я вас видел, – еле дыша сказал он. – Но еле догнал...

Леня молча подошел к стоящей у тротуара белой «Волге» и спросил таксиста:

– До Молдаванки подбросишь?

– Нехай Молдаванка буде, сидайте, – согласился толстый таксист.

Ребята запрыгнули в машину и уже через каких-то десять минут сидели на скамейке в Ленином дворе. Сам Ворон подошел к окнам Гриши и тихонько постучал в окно. Крамеры жили на первом этаже, но время было уже около двенадцати ночи, и большая часть жильцов уже спали. Через мгновение в окне появилось лицо Гриши.

– Мы у школы будем, у нашей, подходи туда, – тихо прошептал Леня.

– Через пять минут буду, – кивнул Гриша.

Оказавшись возле школы на Буденного, где ночью было тихо и никто не мог им помешать, компания наконец начала делиться информацией.

Гриша спешил выдать свою порцию быстрее всех:

– Я узнал такое... После встречи с вами, я всех наших мастеров пораспрашивал и...

– Не тяни, ботай! – поторопил его Ленья.

– Вы наверняка знаете ювелира Изю Фишмана?

Собеседники кивнули. Фишман был самым зажиточным ювелиром в городе, директором большого магазина на Дерибасовской.

– Так вот, – продолжал Гриша, – Фишману заказали документы на диадему с бриллиантами в двадцать три карата! И он должен будет отдать этот пакет документов человеку, который на днях приедет в Одессу!

– Шо за *ксивы на цацки*?¹⁶ Я шо-то не пойму, – спросил Яша.

– Ну, это как паспорт у человека, – начал объяснять Гриша. – Если вдруг мусора останутся, то документик есть.

– Вся Одесса ждет эту цацку! – ухмыльнулась Зива и поведала о том, что ей рассказал Николас на улице.

Ленья хмуро подвел итог:

– Посла этого по ходу встречать собираются люди Флинта. Это ясно как день! Ведь Фишман, ювелир, под Флинтом работает всю жизнь!

– Там не сам посол оказался, – добавил Гриша. – Курьер на самом деле какой-то работник посольства мелкий. Так мне сказали.

– Неважно! Тут другая сложность, – задумчиво произнес Ленья. – Мусора в курсе. И хлопнут любого, кто захочет швырнуть того фраера! А братва может быть и не в курсе... – Он немного подумал, затем добавил: – Отрабатывать цацку тут масти нет! В Одессе никто ее не украдет! Надо в Москву ехать, там ее утянуть! Информации мало, да и город чужой... Я думаю, это порожняк. Лучше не лезть!

– Ленья, это ж какие башли! – возмутился Яша. – Как не лезть?

– Ша, Сиплый, – обрубил друга Ленья. – Это порожняк! Братву завтра предупрежу, шо там мусора на стреме. И все! Тема закрыта.

Следующим утром, в пятницу, около одиннадцати часов утра, Леню своим криком разбудила мать:

– Ленья, вставай! До тебя хлопец какой-то пришел!

Хая была полная, но энергичная женщина, постоянно хлопочущая по дому: то готовка, то уборка, то стирка... Когда Ленья вышел на кухню, мать опять возилась у плиты.

– Кто там пришел, мама?

– А я знаю? – удивилась женщина. – Какой-то фронт! Говорит *гешефт*¹⁷ до тебя имеет! Ну я ему ответила, щоб помолчал с той стороны! Вот он и стоит на дворе!

– Шо, не из наших? – подозрительно спросил Ленья.

– Так если бы с наших, я б знала за него, а то чужак. – Хая громко вздохнула и, покачав головой, добавила: – Загонишь ты меня на *Слободку*¹⁸ своими гешефтами!

– *Та все в ажуре, мамэ!*¹⁹ – улыбнулся Ленья и пошел в ванную умываться.

Соломона дома уже не было, каждый день он уходил рано утром по своим делам. Быстро умывшись, Ленья выбежал во двор. На скамейке сидел светловолосый парень лет тридцати,

---

¹⁶ Документы на украшения (*тюремный жаргон*).

¹⁷ Дело (*идши*).

¹⁸ Синоним сумасшедшего дома, находящегося в том районе в Одессе.

¹⁹ Все в порядке (*жаргон*).

одетый в модные джинсы-варенки, ярко-синюю футболку и черную ветровку. Закинув ногу на ногу, он рассматривал свои кроссовки на липучках «Адидас» и неспешно курил.

Леня сразу узнал парня:

– Саня, ты?

Парень подскочил с лавки и, увидев знакомое лицо, улыбнулся:

– Одессит! Брателла! Нашел я тебя все-таки!

Они обнялись, радуясь встрече. Леня окинул взглядом старого знакомого:

– А ты, я смотрю, модный парень стал!

– Ну я-то в Москве обитаю теперь! – важно заявил Саня, добавив: – Я же после Устимлага сразу в столицу подался. А ты как?

– Та я шо? – махнул Леня рукой. – Я через год после того, как ты освободился, тоже откинулся и вот домой вернулся... Та не важно! Ты какими судьбами? Где? Как?

– Я на один денек, проездом можно сказать. И дельце есть к тебе.

– Ну, Доллар, ты всегда дела имеешь сурьезные! – рассмеялся Леня. – Пошли поботаем шо к чему и позавтракаем! – Леня направился на улицу.

– Да мне еще в гостиницу надо, – возразил Саня. – Человечка там одного жду!

– В какой ты гостинице?

– «Красная».

– Хорошо живешь! – подмигнул другу Леня, остановил проезжающее мимо такси и, садясь вперед, скомандовал: – Педаль до «Красной»!

Спустя тридцать минут Леня со своим бывшим сокамерником Сашей Долларом уже сидели в ресторане гостиницы «Красная» и ждали заказанную яичницу и чай. Повспоминав немного своих друзей по зоне, Саша наконец перешел к делу:

– Одессит, я, короче, к тебе по делу. Очень крупному.

– Ну ботай, Доллар. Я уже срисовал, что ты не чай пить приехал!

– Короче, – немного подавшись вперед, начал Саша, – в среду сюда приедет один человек из Стамбула, он везет с собой очень дорогую вещь...

От этих слов у Лени внутри все похолодело, но виду он не подал. Получалось, что уже и москвичи охотились за диадемой! Саша Волков по кличке Доллар был обычным валютчиком и фарцовщиком, который никогда не воровал. По крайней мере, раньше. Попал в тюрьму он за валютные операции, отсидел спокойно свой срок, не блатовал, но и в обиду себя не давал, сидел достойно, по-мужски. За это его уважали блатные, к которым и относился Леня. Сейчас же, судя по всему, Доллар занялся другими делами. Одессит решил вначале выслушать друга, а потом решить что к чему.

– Так вот, – продолжал Доллар, – диадему эту повезут в Москву. Там ее заказал какой-то крупный чиновник. Но у меня есть клиент, хочет купить ее за огромные бабки.

– За сколько? – поинтересовался Леня.

– За пятьсот тысяч долларов, – прошептал Саша.

Леня прикинул: раз друг говорит пятьсот, значит, на самом деле ему дадут минимум семьсот! Доллар не вор, у него нет понятий, как у блатных. Он обычный спекулянт и, естественно, занижает цену. Судя по всему, вещь эта действительно очень дорогая, и Леня был уверен в том, что люди, которые ее везут и продают, даже не представляют истинной ценности украшения! Иначе все было бы сделано так тихо, что никто ничего не узнал бы.

– И шо ты хочешь сделать? – спросил Леня.

– Я хочу тебе предложить сработать вместе! Я Одессу не волоку, здесь и своих блатных и воров хватает. Меня тут быстро потеряют. А ты местный, да еще и авторитетный. Я едва на ваш район зашел, на Молдаванку, спросил первых попавшихся пацанов, где ты живешь, так они мне сразу дом показали и предупредили, что ты еще спишь! – Друзья рассмеялись. Затем Доллар продолжил: – Со мной в доле еще один человек, мой кореш. Он и подтянул эту тему. Я

понимаю, вымутить будет тяжело, поэтому хочу тебе предложить пятьдесят на пятьдесят! Ты со своими вещь украдете, а я ее пихну красиво и тихо! Деньги...

– Ша, Доллар! – остановил его Леня. – Ты шо забываешься? Какие деньги? Какие доли? – Он нахмурился. – Я имею быть бродягой, а не барыгой каким-то! Гембель этот мне не нужен. Вопрос закрыт.

Саша с сожалением посмотрел на собеседника:

– Лень, ну не обессудь. Я то по-другому не это... Я в Москве живу, там везде только деньги, вот я и привык.

– Кайфанем сегодня, потом педаль назад в свою Москву, – строго оборвал друга Леня. – Считать башли не мое. Я живу, шоб было все красиво! На это мне хватает. А такие сделки... Это не по мне. И тебе не нужно. За этой цацкой мусора пасут и вся хевра одесская. Тебе ловить тут нечего.

– Так значит, ты волокешь за нее? – Доллар удивленно посмотрел на Леню и скромно улыбнулся: – Одессит, ну не обессудь, в натуре... Давай мутанем эту тему!

– Не хочу я! – решительно воскликнул Леня. – Нет масти уже. На Одеколон загремим за эту цацку... В Москве отработайте ее.

– Да в Москве-то можно, но... – Парень призадумался. – Не справлюсь я! А к московским ворах иди не хочу. У меня есть информация, которой нет ни у кого!

– Я тебя поздравляю, – безразличным тоном подвел итог Леня, демонстративно спокойно попивая чай.

Друзья позавтракали, не возвращаясь больше к этой теме. Затем Леня ушел, договорившись с Долларом, что вернется за ним в пять часов.

Выйдя из «Красной», Леня пошел пешком на Морвокзал. Внутри у него все кипело. Он никогда не гнался за деньгами, они были для него не так важны, как доброе имя и честь. Многие, конечно, пытаются добиться уважения и положения в обществе с помощью денег, но для Лени это все было фальшью. Несмотря на то что он был беден, его с молодых лет знали и уважали на Молдованке за правильные поступки, справедливые решения и храбрость, благодаря которой он мог влезть в драку с превосходящим по силе соперником. А почему нет, если ради справедливости?! Леня, спускаясь по Суворова, кинул взгляд в сторону моря. Его жизнь всегда была игрой, и он ее любил. В данный момент в его венах бурлил азарт, он жаждал победы! Конечно же Леня очень хотел украсть эту диадему, но не ради денег. Ему наплевать было, сколько она стоила. Ясно, что за этой вещью уже гоняются все крадуны Союза. Не была нужна она ему и ради тщеславия. К черту славу! Зачем привлекать к себе лишнее внимание? Лене хотелось украсть эту диадему, чтобы доказать самому себе, что он может сделать невозможное. Но с другой стороны... Стоит ли оно того? Доллар – хороший парень, но он не бродяга. Он просто хочет заработать, и судить его за это нельзя. Это человек другой масти. Сам же Леня вор! Бродяга! И его дело воровать. Если он попадется, значит, пойдет опять на зону. Значит, еще не так хорош, чтобы не попасться в руки ментам.

Думая об этом, Леня подошел к Морвокзалу. В огромных стеклах здания, взлетающих на несколько этажей, бликовали солнечные лучи. Перед входом слева, как обычно, стояли автобусы, ждущие туристов, и таксисты, лениво курящие дешевые сигареты. Леня знал, где и кого нужно искать. Заходить в здание Морвокзала он не стал, а, пройдя немного в сторону, стал присматриваться. Народ выходил и заходил в здание. Через несколько минут показалась группа туристов, с шумом направляющаяся к автобусам. Леня мгновенно заметил мальчика лет четырнадцати, с неподстриженными кудрявыми волосами, в коричневых брюках, такого же цвета свитере и черной кепке-гаврош. Пацан то ли шел по своим делам и растерялся, увидев столько людей сразу, то ли специально прибежал поглазеть на иностранцев, он крутился в самом центре толпы, озираясь с одновременно восхищенным и озадаченным видом по сторонам. Леня ухмыльнулся и не пошел в сторону этой группы, а притаился сзади автобуса, не упуская из виду

папаненка. Когда гомонящая толпа расселась по автобусам, пацан аккуратно свернул и оказался на том же месте, где стоял Леня.

– Ну, привет, Цыганенок!

– Опа! – улыбнулся пацан. – Ворон! Приветствую.

– Как чистка прошла? – поинтересовался Леня.

– Негусто! – скривился мальчик. – Пара лопатников... А ты по делу или шо?

Леня еще раз ухмыльнулся. Его всегда веселили деловитость и наглость вокзальной шпаны.

– Слухай сюда! – начал он серьезно. – Дуй сейчас до старших, скажи, Ворон прокнокал слушок, шо у мусоров в среду на Морвокзале облава готовится на крадунов наших. До Флинта пусть доведут.

– Да я и сам могу Флинту цинкануть, – важно заявил карманник. – Он и есть мой старший. А с чего хипишь?

– С того! – Леня легонько стукнул пальцем по козырьку пацанской кепки. – Шукали вы слишком много за какого-то посла, шо из Стамбула педалит к нам.

Цыганенок округлил черные глазища:

– Во падлы!

– Давай беги, – бросил ему напоследок Леня и пошел обратно.

Пацан убежал вперед. Ворон опять усмехнулся. Он не хотел сам идти к Флинту, так как держался независимо от городской братвы, хотя при этом в общак регулярно вносил «грев на общее». Однако предупредить братву считал своим долгом.. Лене конечно же поверят на слово и операцию по диадеме свернут. Но предварительно, конечно, Флинт либо сам придет, либо отправит кого-то из своих подручных уточнить информацию у Лени.

После Морвокзала Леня пошел к Яше, который в это время по своему обыкновению сидел на Дерибасовской в кафе, играл в карты с друзьями с Молдованки. Друзья отсели за другой столик и долго разговаривали, пытаясь найти верное решение проблемы. Яша был для Лени как брат, он всегда к нему прислушивался и ни разу не пожалел об этом. Конечно, у Раппопорта был настоящий, кровный брат Соломон, но Моня был другим. Он был умным и грамотным парнем, способным на большее, чем банальное воровство. Леня любил Соломона всем сердцем и оберегал его от всей этой грязи, насколько, конечно, это было возможно. Хоть Моня и занимался нелегальным производством джинсов, было ясно, что за эту «работу» его не посадят. В Одессе и без него было полно воришек, налетчиков, торговцев наркотиками и других преступников, преследуемых законом. Около четырех часов в кафе появилась Зива. Оттуда троица, не спеша прогуливаясь по Дерибасовской, направилась в гостиницу «Красная». Саша уже ждал друга и, познакомившись с Яшей и Зивой, сразу перешел к делу:

– Леня, ты не передумал?

– Нет! – хитро улыбнулся Леня. – Пойдем посидим у нас. Сегодня шабат заходит, погода чудная, на Молдованке наверняка весело будет.

– Может, рыбки свежей забацаем? – весело спросил Яша.

– Нехай забацаем! – задумчиво ответил Леня. – Надо к рыбакам махнуть!

– Та не проблема! – возмутился Яша, – У нас же ж тут есть наш брульянт чистой воды! У нас рыба завсегда имеется. В общем, вы водки купите и на Молдованку, а я быстро к рыбакам. Не доезжая Крыжановки, есть у меня пара знакомых, куплю ведро и к вам.

– Глосей возьми побольше, – попросил Леня.

– Шо будет, все заберу, – согласился Яша.

– А что такое глоси? – с интересом спросил Саша, когда Яша убежал ловить такси.

– Камбала черноморская. – ответил Леня. – Пошли до Еси, купим харчей.

– А есть чем стрелять? – спросила Зива, имея в виду наличие денег.

– Пока чуток осталось! – подмигнул ей Леня и зашагал вперед, по своему обыкновению высоко подняв голову и держа спину ровно.

По его походке можно было сразу сказать, что этот человек уверен в себе и привык повелевать. Его утонченная внешность говорила о благородстве характера, глаза были умными и проницательными, тонкий нос с горбинкой добавлял облику аристократизма и сразу выдавал в нем еврея. Не спеша прогулявшись до улицы Хворостина, Леня с друзьями свернули во дворы. Зайдя в один из общих дворов, где возле голубятни играла детвора, Леня постучал в одну из дверей. Через полминуты в проеме показалась лысая голова пожилого мужичка, в очках с роговой оправой, большим носом и отвисшей нижней губой.

Мужичок немного испуганно воскликнул:

– *Вэй из мир!*²⁰ Леня, это ж ты!

– Я, – ответил гость. – Чего ты боишься?

– Та я не ожидал никого, шабат все-таки. В это время все наши дома сидят уже, а прийти могут только... ну ты понял кто, – подозрительно посмотрев на Сашу, пролепетал мужичок и распахнул дверь перед гостями.

Леня с друзьями зашли в бедное, с обшарпанными стенами жилище мужичка. Зива закрыла за собой дверь.

– Еся, мне нужны продукты хорошие. Шо есть?

Мужичек важно ответил:

– Ленечка, есть все. Шо тебе треба, скажи – принесу.

– Тогда неси нам водку хорошую, бутылок четыре-пять, вино давай...

– Французское? – деловито спросил Еся.

– Лучше грузинское, белое, – ответила Зива.

– Сервилат – палку, сыр голландский... шо еще там у тебя имеется? – продолжал Леня.

– Я понял все, шо вам нужно. Сядьте, подождите. – И мужичок скрылся в другой, тонущей в темноте комнате.

Через десять минут друзья уже выходили из дома Еси с двумя черными пакетами. В одном позвякивали пять бутылок водки «Московская. Особая», во втором лежали батон сервилата, головка импортного голландского сыра, банка греческих оливок, полкило осетрины холодного копчения, коробка импортных шоколадных конфет и две бутылки грузинского белого вина «Цинандали».

– Откуда у этого бедолаги столько дефицита? – не выдержав, спросил Саша. – Я просто в шоке! Ты сейчас дал ему в руки почти двести рублей. Его хибара дешевле стоит!

Леня с Зивой, переглянувшись, засмеялись, и девушка объяснила москвичу:

– Еся один из самых известных спекулянтов в Одессе. Ему все привозят моряки. Помимо этого, ему тащат товар из Ялты с валютного магазина «Каштан» и из буфета «Интурист» в Киеве. У него связи везде есть. Уже вечер, шабат начинается, а с утра сегодня, поверь мне, у него стояла очередь. Все одесские шишки скупаются у Еси. Я думаю, он тысячи на две минимум сегодня наторговал.

– Если это так, почему он живет в таких условиях? – недоумевал Саша.

– Да ему наплевать на условия, – пустился в объяснения Леня. – Он привык так жить. Зато его дети живут как короли! У него один сын в Москве в МГУ учится, а второй живет тут, в четырехкомнатной квартире. И работает в горисполкоме каким-то большим чином... а ведь молодой еще совсем. Папа все проплатил, всех накормил и все купил.

Через пять минут друзья пришли во двор Лени. Детвора там прыгала по нарисованным мелом клеткам, играя в «классики». Отовсюду неслись вкусные запахи готовящегося ужина. На Молдованке торжественно, с застольем, встречали пятничный вечер не только евреи.

---

²⁰ Боже мой (*идиши*).

За годы жизни среди иудеев жители района переняли традицию, вне зависимости от религии и национальности. Леня поднялся в квартиру, позвал Соломона, предупредил мать, что скоро принесут рыбу. Прибежал Гриша Крамер. Ребята засуетились во дворе, вынесли из квартир три стола и составили их в один. Температура поднялась до семнадцати градусов, и сидеть на улице уже можно было с комфортом. Хая выбежала с тарелками и скатертью во двор, следом начали выходить другие соседи. Из окна второго этажа, напротив квартиры Раппопортов, высунулась женщина с бигуди на голове и прокричала:

– А шо за праздник у Раппопортов?! Неужто Леня женится?!

– Теть Роза, не дождетесь! – засмеялся Леня. – Просто у нас шабат и ко мне приехал друг из Москвы.

– У моего Семки уже сын родился, Аркашка. А Семка, поди, младше тебя. Пора тебе уже, Леня, жениться! – выкрикнула женщина.

Ответила ей уже Хая:

– Давай спускайся, Роза! И неси соленое. Хватит болтать.

Когда приехал Яша, во дворе уже был накрыт стол, за которым сидели помимо Раппопортов Крамеры, тетя Роза Мазур с мужем и молчаливой дочкой лет двадцати, Георгий со своими родителями, сапожник Моисей с женой и украинец Коля с супругой. Детвора переместилась ближе к улице, старый Самвел, который уже и сам не помнил, сколько ему лет, сторбившись, сидел на стульчике немного в стороне от стола и курил трубку. Каждый вынес что-то из дому, и стол получился праздничный. Соломон уже разжег дрова в мангале и приготовил металлическую решетку, чтобы пожарить на ней рыбу. Хая возмущалась, что нужно жарить на сковороде, но молодежь предпочитала угли. В ведре, принесенном Яшей, оказалось несколько кефалей, две камбалы и куча черноморских бычков разного размера. Женщины быстро чистили рыбу, Соломон отправлял ее на решетку, следя за дровами. Все что-то говорили, то тут, то там слышался смех. Леня то и дело поднимал рюмку, кто-то пил водку, закусывая соленьями тети Розы, Зива и Хая предпочли вино, кто-то – компот, приготовленный мамой Гриши Крамера. С появлением Яши стало еще веселей. С присущим ему задором, он своим сиплым голосом начал травить анекдоты. Саша был в шоке от такой теплой, домашней обстановки. Люди здесь относились друг к другу как родня, двор жил одной большой семьей, и никто не выказывал ни высокомерия, ни жадности, ни зависти. Небогатые люди, обретавшиеся в старых, тесных квартирках, веселились так, будто в их жизни все прекрасно. Впрочем, у них действительно все было неплохо. Им не нужны были миллионы, чтобы жить хорошо, они умели наслаждаться каждым днем без денег. В разгар застолья Леня вышел из-за стола и отошел в сторону покурить. Саша последовал за ним. Облокотившись на стену дома, слегка подвыпивший Леня улыбнулся:

– Ну как тебе у нас?

– Я просто в шоке! – честно ответил Саша. – Так все просто и весело.

– Это Одесса, друг мой, тут всегда так, – философски ответил Леня и как будто между прочим спросил: – А ты знаешь, где и как будет проходить передача диадемы в Москве?

Саша сразу засиял:

– Да, знаю! Но это, кроме меня и моего кореша, никто...

– Ша, погоди, – спокойным тоном оборвал его Леня. – Сначала послушай меня. Тему мы сделаем. Но ты не забывай, что просто даешь наводку, и не считай, кому, что и сколько. Провернем, на общее выделим, а там, че останется, по-братски всем будет!

Саша глубоко вздохнул:

– Как скажешь, Одессит.

Заручившись согласием друга, Леня произнес:

– Говори, что там и как будет, а там мы подумаем.

– Курьер прилетит на самолете, – начал свой рассказ Саша. – Его встретят. Будет охрана.

Но это... это все показуха. Для тех, кто захочет его кинуть. Цацку он на самом деле оставит

в камере хранения, в ящике железном. Номер не знает никто, кроме него и того, кто заберет товар. – Он снова вздохнул и развел руками. – Я просто не представляю, как в Москве можно все это провернуть. Пасти курьера бесполезно. Камеру хранения – тем более!

– Почему? Перед камерой хранения поставить людей, и все...

– Дело в том, что я ни в одном московском аэропорту не знаю даже такой камеры хранения.

– Да ладно? – удивился Ленья.

– Именно так! Есть такие на вокзалах, но в аэропорту... Я нашел только одну. В Шереметьево-2. Там есть подходящая... Но тут опять тупик!

– Какой?

– В Шереметьево-2 прилетают только международные рейсы и самолеты издалека. Рейс из Одессы летит в Домодедово. Тем не менее я проверил камеру в Шереметьево. Там ящиков штук двести! А еще везде менты шныряют... Не вариант там. Я потому и решил, что в Одессе сподручнее будет дело провернуть.

– Н-да... – нахмурился Ленья. – Ты завтра уезжаешь?

– Ага, вечерним поездом.

– Добро. Постараюсь до завтра что-то придумать, – подвел итог Ленья. – Пойдем за стол.

Парни вернулись к шумной компании, которая, закончив с трапезой, теперь играла в лото. Время было около десяти часов вечера, уже совсем стемнело. Ленья сел в стороне и задумался. Задача была не из легких. Немного подумав, он взглядом указал Яше и Зиве отойти в сторону. Когда Ленья рассказал друзьям о том, что он узнал от Саши, они тоже крепко задумались. В Одессе они чувствовали себя как рыба в воде, многое могли сделать, но в Москве... Никто из них там даже ни разу был. Яша позвал Доллара, он попрощался со всеми, и друзья пошли проводить гостя до гостиницы. Молдованка всегда считалась ночью опасной для незнакомых людей, дворовая шпана в темное время промышляла грабежами, нападая на незадачливых туристов. Когда Саша уже был в своем номере, Ленья, Яша и Зива сели на скамейку недалеко от гостиницы. Ленья подвел итог, пытаясь, собрав всю информацию в кучу, найти подходящее решение.

– Итак, шо мы имеем: цацку рано утром привозит фраер из Стамбула, на Морвокзале его ждут мусора и Фишер с ксивой. Его наверняка также встречает какая-то охрана в погонах, возможно, те же менты, а может, и кагэбэшники... Везут в аэропорт, самолет в Москву улетает где-то часов в двенадцать. Наверняка они все подгадали. В столице он прилетает в Домодедово... Вот тут неувязочка. Как курьер может добраться из одного аэропорта до другого, там расстояния большие, как от Одессы до Херсона! Смысла нет...

– Ленья, – вмешалась в его рассуждения Зива, – самолет может сесть в другом аэропорту. Это ж бывает, если туман или еще шо! Видимо, там клиент жирный, наверняка у него есть такая возможность повлиять на рейс.

– Точно, – щелкнул пальцами Ворон. – Конечно, только так! Еще и лишний раз следы запутают. Тут ясно как день, все мусора, охрана и остальные участники знать не знают, что именно везет этот фраер и почему его охраняют. Известно обо всем только заказчику и тому, кто заберет из камеры хранения цацку. Все остальные думают, что это просто большая шишка тут нарисовалась. Даже слух пустили, будто это сам посол едет, а там на самом деле какой-нибудь простой уборщик из посольства!

– То ясно, – отозвался Яша. – Но как в Москве забрать цацку из камеры хранения? Наверняка, как только он ее положит туда, ее заберут!

– Нет, – решительно сказала Зива. – Они тоже не дураки, у них план чистый! После того как курьер положит цацку, он должен будет уехать, а другие люди потом заберут диадему.

– Согласен, Зива, – кивнул Ленья. – Они хотят запутать след, думают, кто-то, типа, следить будет. А лишний раз зачем им светиться? Наверняка курьера, который цацку заберет, вообще

не будет в аэропорту, либо он спрячется подальше от камеры хранения. Иначе зачем вообще нужен этот цирк? Могли бы просто из рук в руки передать – и все! Там, видать, заказчик какой-то очень недоверчивый тип, который боится, что про него узнают...

– Ага, – усмехнулся Яша, – поэтому-то от Москвы до Одессы все уже знают о деле!

– Именно поэтому, Яша, – кивнул Леня. – Он, пытаясь скрыть свое имя, не обратил внимания на то, что стало известно многим вокруг. Плюс, я думаю, информация, скорей всего, идет от того, кто хочет купить эту цацку у нас! Этот хмырь наверняка приближенный заказчика... крыса...

– Давай завтра еще поговорим, – устало вздохнул Яша. – А вообще тут шанец – ноль. Лучше, по-моему, оставить дельце. Проводим вечером кореша твоего и забудем обо всем.

– Я тоже так думаю, – согласилась Зива. – Если не судьба, лучше не лезть!

– Хорошо, пошли по хатам, – задумчиво протянул Леня.

Думал он до утра. Дом весь уже спал, а Леня то курил на скамейке, то шагал по двору. Поднявшись домой, он заваривал себе крепкий, по тюремной привычке, чай, а потом долго сидел на кухне и размышлял. Около пяти часов утра Леня позвонил Яше. Сонный голос ответил спустя несколько гудков:

– Алло.

– Сиплый, – шепотом, но очень бодро начал Леня. – У тебя, помнишь, дядя в политехе работал?

– Лень, ты? – не мог понять спросонья Яша.

– Я, я... Ну! Проснись! Дядя в политехе...

– Какой политех? Ты шо не спишь? – пытался собраться с мыслями Яша.

– В институте. Политехническом. Дядя у тебя работает там сейчас?

– Аа... – наконец понял друг. – Ну сейчас-то он спит. Кто ж в шабат утром работает?

– Вот ты шлимазала! – нервно воскликнул Леня. – Я не шучу! Серьезно отнесись!

– Работает, работает, – устало ответил Яша. – Только давай поспим еще, а потом поступать пойдешь.

– Отлично! – довольным голосом воскликнул Леня. – Спи. В десять утра я зайду.

Повесив трубку, Леня, улыбаясь, отправился в кровать и сразу крепко заснул.

Глава 7

Рамиль Айзатулин закончил МГИМО в 1980 году. Его отец состоял в партии и занимал высокую должность в Совете министров Татарской АССР. Благодаря своим связям он отправил сына учиться в МГИМО, а по окончании устроил на работу. И вот, двадцатисемилетний Рамиль уже пятый год трудился референтом-переводчиком в посольстве СССР в Анкаре. Работа в принципе была легкая. Турецкий язык сильно похож на татарский, и Рамиль быстро его выучил. Конечно, он немного скучал на столь низкой должности, но перспектива впереди была отличной. Первый секретарь посла объяснил парню, что пока некого назначить на его место, а значит, ему придется немного потерпеть. Но зато потом он не будет проходить каждую ступень: референт, потом агташе, потом третий секретарь... Это не для него! Нынешний первый секретарь метил на должность посла после перевода шефа, а Рамиля собирался двинуть на свое место. Такой расклад устраивал парня, и он продолжал спокойно делать свою мелкую работу, иногда выполняя личные поручения первого секретаря. Как, например, сейчас. Начальник дал ему двухнедельный отпуск и отправил домой. Рамиль был рад возможности побывать дома, несмотря на то что по дороге нужно было сделать небольшой крюк: первый секретарь попросил доехать до Стамбула, оттуда на пароходе в Одессу, а потом уже самолетом в Москву. Как отказать начальству? Тем более, он сообщил между делом, что до перестановки кадров осталось меньше полугода. Рамиль сразу понял, что это очень серьезное задание, в стиле Джеймса Бонда, своего рода экзамен. Ведь он должен был не просто перемещаться между городами. Он вез толстый, сантиметров пятнадцать, конверт, очевидно, там находились какие-то важные документы. Конверт был из плотной бумаги, а поверх еще запакован в пленку и опечатан гербом СССР. До Одессы он, конечно, доедет спокойно, ведь у него есть дипломатические документы. Но что, если по дороге в Москву его остановит милиция или, что еще хуже, КГБ захочет досмотреть? Что тогда? А на такой случай Рамилю в Одессе, прямо на Морвокзале, дадут второй конверт с разрешительными документами, с которыми он и сможет провезти конверт до столицы. Во как все сложно! И ведь и это было еще не все. В московском аэропорту парень должен будет зайти в камеру хранения, открыть ключом, который тоже дал ему шеф, ячейку номер 57, положить туда оба конверта, закрыть и уйти. На выходе его встретят и отвезут в гостиницу, а наутро Рамиль спокойно поедет в аэропорт и улетит в родную Казань. Все в принципе просто. Парень был уверен, что справится. Он был молод, атлетически сложен и внешне больше похож на русского, чем на татарина: русые, гладкие волосы спадали небрежной челкой на лоб, почти доставая до зеленых, совсем немного зауженных глаз. А потому лишних подозрений у милиции вызвать он не мог.

И вот Рамиль без проблем преодолел дорогу на поезде до Стамбула и, сев на пароход, спокойно приехал в Одессу. Выйдя на Морвокзале и пройдя все необходимые процедуры, парень вышел на улицу. К нему сразу же подошли двое мужчин в штатском. Один молодой, стройный и подтянутый. Второй лет пятидесяти, толстый и усатый, он-то, лениво представившись, и показал удостоверение:

- Подполковник Гуменюк! Товарищ Айзатулин?
- Да, – ответил Рамиль.
- Нам поручено сопроводить вас в аэропорт!
- Конечно, – согласился Рамиль. – Только мне нужно кое-что тут получить вначале.
- Тогда мы отойдем, покурим пока, – предложил подполковник. – Времени немного у нас, так что ждем минут пятнадцать, не более, а то опоздаем!

Рамиль ничего не ответил. Мужчины отошли от входа, подальше от автобусов и таксистов. Парню сразу стало понятно, что вокруг полно сотрудников милиции в штатском, которые рассредоточились по разным углам и небрежно смотрели по сторонам. Рамиль не курил,

поэтому просто стоял, изучая площадь Морвокзала. Однако скучать молодому человеку долго не пришлось: спустя несколько минут к нему подошел молодой, лет шестнадцати, парнишка с умными черными глазами и вежливо обратился к подполковнику:

– Прошу прощения, мне нужен товарищ Айзатулин. Есть шо передать ему!

– От кого посылка? – с подозрением спросил Гуменюк.

– От товарища по фамилии Фишман... конверт с бумагами.

– То, что надо? – спросил подполковник у Рамиля.

– Видимо, да... – пожал плечами парень. Он знал только, что ему дадут конверт. – Конверт должен был быть, так что, наверное, это он.

– Давай сюда, – скомандовал подполковник посыльному.

Тот передал небольшой, толщиной не больше трех сантиметров, но очень плотный конверт, также замотанный пленкой со всех сторон. Рамиль взял посылку и кивнул сопровождающим, показывая, что готов ехать. Тут же рядом затормозила милицейская «Волга», и троица уселась в машину, Гуменюк – впереди, Рамиль и молодой сотрудник – сзади.

Аэропорт Одессы был преодолен с еще большей легкостью, чем Морвокзал, и спустя час Рамиль уже сидел в маленьком помещении зала отлета, ожидая посадки в самолет. Люди, находившиеся вокруг, человек восемьдесят, все ждали один и тот же рейс. Рамиль скромно сел в уголок и развернул «Известия». Периодически он окидывал взглядом помещение, но все было спокойно, соседи вели себя тихо и внимания не привлекали. Кто-то разговаривал, кто-то читал книжку или газету. Люди все еще заходили в зал, проходя регистрацию и досмотр. Рамиль с удивлением отметил, что народ здесь, похоже, живет не бедный, многие были одеты в импортные вещи и вели себя вольготно, ничего не боясь. И тут в зал зашла неопишимо красивая, будто видение из иного мира, девушка. Стройная фигура с тонкой талией и высокой, изящно очерченной грудью сразу приковывала к себе мужские взгляды. Одетая она была в ярко-зеленое импортное платье, которое выгодно оттеняло цвет ее кошачьих глаз. Было совершенно очевидно, что красавица этим же рейсом направлялась в Москву.

Девушка крадущейся походкой, как пантера, прошла к ведущим к трапам дверям. Рамиль не мог оторвать от нее глаз. Красавица отбила у Рамиля охоту читать газету и полностью завладела его вниманием. Он сожалел только о том, что не мог сейчас подойти и познакомиться с ней, ведь нужно сначала выполнить возложенную на него начальством миссию. Открылась стойка, и народ пошел к выходу. Рамиль специально держался ближе к зеленоглазой девушке, в надежде, что она обратит на него внимание. Но красавица с высокомерным видом смотрела мимо окружавших ее людей. Кроме маленькой дамской сумочки, с собой у нее ничего больше не было. Рамиль тоже путешествовал налегке. Сумку с вещами он сдал в багаж, а в руках нес лишь пакет, в котором лежали два конверта. Парень не отпускал ценный груз ни на секунду. Заходя в автобус, следовавший к самолету, Рамиль шел следом за девушкой. В тот момент, когда все стали подниматься по ступенькам, красавица споткнулась и точно упала бы, если бы Рамиль не подхватил ее. Тут-то девушка наконец и обратила на него внимание. Рамиль придержал красавицу под локоток и, застыв на мгновение, тоже заглянул ей в глаза. В нос ударил приятный аромат дорогих французских духов. От горящего взгляда колдовских зеленых глаз и дурманящего запаха духов у молодого референта закружилась голова.

– Спасибо большое... – нежным голосом пропела девушка и скромно улыбнулась, обнажив ровные ряды белых зубов. – Извините...

– Да ладно, – растерялся Рамиль, – за что тут извиняться? Все же хорошо...

– За мою неуклюжесть! – хихикнула девушка и, уже зайдя в автобус, отвернулась в сторону.

Рамиль был в растерянности. Контакт вроде налажен, но что делать дальше? Хотя... разве это контакт? Доехав до самолета, толпа стала подниматься по трапу в салон, и парень потерял красавицу из виду.

В Ту-154 в каждом ряду было по шесть мест, которые разделял проход. У Рамиля на билете значилось 2С, а это значит, он сидел возле иллюминатора в самом начале. И каково же было его удивление, когда он увидел зеленоглазую красавицу, расположившуюся прямо за ним. Когда Рамиль проходил на свое место, девушка уже сидела в кресле. И тут она взглянула на него. Очаровательная улыбка совсем сбила парня с толку. Он растерялся, перебирая в голове тысячи вариантов того, что можно сказать красавице, но на ум ничего не шло.

– Мы с вами рядом сидим. Как хорошо! – еще шире улыбнулась красавица.

– Ага... – выдал из себя Рамиль, – мне... тоже... Приятно!

Девушка обворожительно засмеялась:

– Теперь мне ничего не страшно! Как можно бояться, когда рядом такой мужчина?

– Д-да... – промямлил Рамиль, продолжая стоять столбом и растерянно смотреть на соседку, благо что рядом пока не было ни одного пассажира. – Всегда готов! – невпопад ответил он.

Девушка опять засмеялась:

– Вы прям пионер!

Рамиль уже более-менее собрался с мыслями и, немного осмелев, спросил прямо:

– Как вас зовут?

– Диана! – игриво ответила красавица. – А вас?

– Меня – Рамиль!

– Очень приятно! – продолжала зеленоглазая. – Вы садитесь, а то сейчас люди придут.

Несмотря на то что самолет был заполнен лишь наполовину, места рядом с Рамилем были предусмотрительно выкуплены его шефом. Помня о невероятной ценности груза, первый секретарь решил обезопасить своего гонца со всех сторон.

Вспомнив об этом, Рамиль решил:

– Никто тут не сядет... Может, вы хотите?

– Почему это никто не сядет? – удивилась девушка.

– Мои друзья... не полетели... – неуклюже выкрутился Рамиль.

– Нет, что вы! Я не могу сесть рядом с вами!

– Почему?

– Просто, – пожала плечами девушка, – я вас даже не знаю, вот почему. И потом, я у окна люблю сидеть.

– Я уступлю вам место у окна, – не сдавался уже осмелевший Рамиль.

Но девушка лишь отрицательно покачала головой в ответ, категорически не соглашаясь пересесть. Рамиль не стал настаивать, решив, что для первого раза и так все прошло неплохо. Сев на свое место, парень положил пакет на колени, накрыв его для верности руками, откинулся на спинку и закрыл глаза. Осознание того, что красавица сидит сзади, не давало ему покоя весь полет. Он не замечал ни женщины лет шестидесяти, ни смуглого, кудрявого пацаненка лет четырнадцати в кепке-гаврош, устроившихся рядом с Дианой. Рамиль мечтал о том, как все-таки соблазнит красавицу. Примерно за пятнадцать минут до посадки пилот объявил по громкой связи, что в связи с техническими причинами Домодедово не может принять их рейс и посадка будет произведена в аэропорту Шереметьево-2. Рамиль знал, что будет именно так, первый секретарь предупредил курьера о замене заранее. На это-то парень и делал ставку в игре с зеленоглазой красавицей, которую наверняка встречали в Домодедово. А теперь такой облом! По всему самолету разнесся возмущенный ропот. Прислушавшись, Рамиль разобрал возгласы недовольства и позади себя. Женщина возмущалась, а Диана ее поддерживала:

– Что же это такое?! Меня ведь встречают в Домодедово! Как же так? Как я сама доберусь? Вот хамство!

Подождав пять минут, когда вспыхнувшее недовольство охватило уже весь самолет, Рамиль решил разыграть свою партию. Немного склонив голову набок, в сторону щели между сиденьями, он обратился к девушке:

– А куда вам ехать, Диана?

– Мне далеко... наверное. В Люберцы... Это же далеко от Шереметьево?

– Очень! По правде говоря, другой конец города, – хитро улыбнулся Рамиль, тайно радуясь в душе ее отчаянию.

– Что же мне теперь делать? – с досадой произнесла девушка. – За мной не поедут в Шереметьево... а такси... Господи! Это ж целое состояние, наверное, будет стоить!

– Я помогу вам, – важно сказал Рамиль, но потом не смог удержаться от язвительного: – Если, конечно, вы соизволите сесть ко мне в машину.

– Вы что, везете машину в багаже? – усмехнулась девушка.

– Нет, просто меня встречает водитель! – Парень уже чуть ли не лопался от чувства собственной важности. – Пока мы выйдем и получим багаж, он уже будет в аэропорту!

Рамиль, будучи парнем довольно хитрым, надеялся именно на такой расклад. Конечно, он не стал раскрывать поистине государственной важности тайну, но от Домодедово до Шереметьево-2 было минимум семьдесят километров! Мало кто решился бы пуститься в дорогу, учитывая цены на бензин и время в пути. И он не просчитался. Диана подавленным голосом ответила:

– Ну... если это возможно...

– Возможно, – твердо заявил Рамиль. – Держитесь рядом со мной, не переживайте.

– Ой, спасибо вам! Вас ведь Равиль зовут, да?

– Рамиль! – поправил парень красавицу.

Пока выходили из самолета и ждали возле ленты багаж, Рамиль узнал, что Диана ехала к подруге в Москву. Встретить ее должен был муж этой самой подруги, а точнее, ее сожитель. И конечно же он не поедет через весь город за незнакомой ему девицей. Сама Диана родом из поселка Песчанка в Винницкой области, в Москву ехала первый раз в жизни. Однако собиралась в столице подзадержаться. В глаза бросалось то, что девушка не выглядела деревенщиной. Фирменная одежда, дорогие духи, да и билеты на самолет недешевые! Понимая ход мыслей Рамиля, девушка неохотно призналась, что жила два года в Киеве с одним «очень богатым человеком», но жениться на ней он не захотел, поэтому она в конце концов ушла к родителям.

Теперь же она хочет попытать счастья в Москве. И тут не нужно было быть профессором, чтоб понять: это обычная украинская красавица, которых пруд пруди, которые рвутся в большой и богатый город, чтобы продать себя подороже. Рамилю все тут же стало ясно, и он понял: сегодня ночь будет жаркой. Нужно только побыстрее закончить дело, порученное ему шефом. Когда лента зашевелилась и показали сумки и чемоданы, Диана заметила, что пакетик, который сжимал в руках парень, немного надорван снизу, и предупредила – мелкие вещи могут выпасть. Рамиль успокоил девушку, сказав что в конверте лежит крупная вещь, которая так просто не выпадет. Подхватив свою спортивную сумку и небольшую сумочку Дианы, Рамиль направился к выходу. Девушка, уже повеселев, начала вести себя проще. Она шагала рядом и с восхищением разглядывая все вокруг. В 14:10 Рамиль оставил Диану с двумя сумками сидеть в зале аэропорта, объяснив, что ему нужно на пять минут заскочить в камеру хранения. Девушка не придавала этому значения и, сев на скамейку, продолжала смотреть по сторонам. В 14:15 парень уже стоял перед рядами ячеек с номерами. Рамиль нашел нужную – номер 57. Он расстегнул молнию на боковом кармане своих спортивных брюк и достал небольшой ключ. Оглянувшись по сторонам, парень отметил, что в камере никого нет, кроме зевающего милиционера на входе. Рамиль усмехнулся, восхищаясь тем, как красиво со всем справился, да еще и такую фифу по дороге заарканил. Засунув пакет в ячейку, он закрыл ее, повернул ключ в замке и спрятал его обратно в карман, для надежности застегнув «молнию».

Вернувшись к Диане, он подмигнул красавице и скомандовал:

– Все, пошли!

Рамиль, взглянув на часы – время было 14:22, – легко подхватил сумки, в одну руку свою, в другую – девушки.

– Ура, ура! – обрадовалась Диана, радостно захлопав в ладоши, а потом подхватила своего нового знакомого под руку, кинула на него нежный, многообещающий взгляд и пошла рядом.

Рамиль был собой очень доволен. Но, не пройдя и десяти метров, они споткнулись и чуть не упали, едва удержались на ногах. Виной тому оказался тот самый кудрявый мальчуган в кепке-гаврош, который сидел в самолете рядом с Дианой. Он буквально бросился парочке под ноги. Когда Рамиль полетел вперед, мальчик схватил его за куртку, не давая упасть. Выпрямившись, парень возмущенно крикнул:

– Ты чё, клоп, под ноги не смотришь?!

Но парнишка, не обратив внимания на гневный окрик Рамиля, умоляющим взглядом посмотрел на Диану и протараторил:

– Я сразу понял... мне фото ваше показал мужик... вон тот! – И он показал в сторону темноволосого носатого парня маленького роста, который стоял метрах в пятидесяти от них и озирался по сторонам. – Он мне сказал, что вас ищет! Обещал денег дать, если найду!

Рамиль взглянул на Диану, которая пожалала плечами, показывая, что не знает этого человека. Мальчишка стал дергать кавалера Дианы за край спортивной куртки и загундосил умоляющим голосом:

– Дяденька, я вас прошу, ну подойдите к нему. Пожалуйста... Я же деньги за это получу!

В душе Рамиля, который устал уже держать в руках две сумки и хотел как можно быстрее добраться до дома, стало вскипать раздражение, но избавиться от настырного пацана было не так-то просто. Он вглядывался в стоящего неподалеку мужчину и не находил в нем ничего подозрительного, однако уступать уговорам ему почему-то крайне не хотелось. А вот Диана, напротив, неожиданно для Рамиля воскликнула:

– Дорогой, ну пойдем посмотрим, кто это? Мне так интересно...

Дорогой? Дорогой! Это обращение вызвало у Рамиля массу чувств. Оно могло означать только одно: эта девушка уже его! Уговаривать на что-то или соблазнять ее не придется. Случай все сделал сам! Подумав об этом, парень важно зашагал в сторону того самого мужчины. Быстро преодолев разделявшее их расстояние, Рамиль встал перед незнакомцем, бросив сумки на пол и отметив про себя, что багаж девушки вдвое тяжелей его. Диана с любопытством смотрела на мужчину, он же, изучающе глядя на нее, спросил:

– Вы Диана?

– Да, – улыбнулась девушка. – Мы знакомы?

– Нет еще, но... Меня Петр зовут.

– Очень приятно! – ответила Диана, протянув руку, и после рукопожатия представила своего спутника: – Это Рамиль. Мой... близкий друг.

Мужчины обменялись рукопожатием, и Петр чуть слышно пробормотал:

– Я и не знал, что вы не одна...

Рамиль уже решительно, не скрывая своего недовольства, произнес:

– А вы кто?

– Я? – Петр улыбнулся. – Меня Светлана отправила вас встретить. Я приехал в Домодедово заранее, а там... В общем, я сломя голову помчался сюда, у меня всего минут сорок пять было, не больше!

У Рамиля все оборвалось внутри: теперь она что, уедет? Как этот идиот умудрился так быстро сюда добраться?

Диана же наоборот обрадовалась:

– Ой, как замечательно! А я думала, вы не приедете.

– Да куда уж там! – важно сказал мужчина. – Я Светке обещал, что встречу, а свои обещания я всегда выполняю, чего бы мне это ни стоило.

– Да... – протянула Диана и, отпустив Рамиля, которого все это время держала под руку, спросила: – А как она вообще? Что у нее нового?

Петр тут же начал рассказывать какую-то дурацкую историю про то, как Светлана затеяла в своей квартире в Люберцах поклеить обои. Диана с интересом слушала и громко хохотала над ничем не примечательной историей, после чего сама начала рассказывать, как в своем поселке, в доме родителей, год назад устроила ремонт. Болтали они долго, и разговор абсолютно не впечатлил Рамиля. И тут он увидел милиционера в форме, который быстрым шагом, почти бегом, пересекал зал аэропорта. Тут-то парень вспомнил, что так и не увидел своих встречающих. Он в панике стал озираться по сторонам. Девушка заметила это и спросила:

– Дорогой, что случилось?

– Я... ищу... водителя своего.

– Так водители все на улице стоят, – простодушно заметил Петр.

Рамиль бросил взгляд на Диану:

– Ну что, едем? Он, наверное, на самом деле ждет на улице.

Девушка с досадой ответила:

– Теперь мне неудобно... Петр ехал за мной издалека.

– И что теперь? – злобно воскликнул Рамиль. – Так же поедет назад!

– Давай лучше сделаем так, – предложила девушка, – сегодня я поеду к подруге, а завтра мы с тобой встретимся? А? Как тебе такой план? – игриво улыбнулась она.

Рамилю вдруг показалось, что здесь есть какой-то подвох, что-то во всей этой истории не то, не хватает какого-то звена... Но чего именно, он не понимал и решил пойти ва-банк:

– Или ты сейчас едешь со мной, или мы уже никогда не увидимся,

Зеленоглазая красавица открыла от удивления рот, не в силах ответить что-либо. В ситуацию вмешался Петр, высказав предложение своим пропитым голосом:

– Что ж вы так ругаетесь? Время-то непозднее! Договоритесь, где вы хотите встретиться, я вечером Диану привезу, куда надо, делов-то...

Диана радостно улыбнулась и, посмотрев в глаза Рамилю, ласково попросила:

– Рамииль, ну пожалуйста! Я подругу четыре года не видела. Скажи адрес, Петя меня привезет. Обещаю, вечером буду у тебя. Ну пожалуйста, не обижайся.

Рамиль начал немного остывать, сменяя гнев на милость. А почему бы и нет? Он пока поедет в гостиницу, отдохнет, а вечером...

Так даже лучше! Парень подхватил свою сумку и бросил на прощание:

– Гостиница «Ленинград». Спросишь меня там, я предупрежу.

– Спасибо тебе, милый! Я обязательно приеду, – радостно воскликнула девушка и жарко чмокнула его прямо в губы.

От этого Рамиль буквально застыл на месте. Петр же взял сумку Дианы, и они быстро зашагали к выходу. Проводив взглядом девушку, такую красивую и еще несколько часов назад казавшуюся столь недоступной, Рамиль взглянул на часы: время было 14:37. Он неспешно вышел на улицу, туда, где ко входу подъезжали машины встречающих и такси. Рамиль огляделся по сторонам и сразу заметил мужчину в серых брюках, белой рубашке и дешевых туфлях. Одного взгляда на него хватило, чтобы парень понял – это милиционер в штатском. Рамиль подошел к нему и спросил:

– Прошу прощения, вы не меня встречаете?

– Товарищ... – Милиционер посмотрел на него, ожидая продолжения.

– Айзатулин, – ответил Рамиль.

– Ну слава богу! – Милиционер достал из кармана брюк огромную рацию, которая непонятно как там уместилась, и, нажав кнопку, сказал: – Третий, я седьмой! Объект найден, все чисто, прием!

На другом конце послышалось:

– Принял. Всем идти к транспорту. Объект найден, все чисто.

Засунув назад рацию, служитель закона улыбнулся:

– А мы уже тревогу бить хотели.

– Так я же в аэропорту был.

– Да, я видел. Просто из инструкции следовало, что вы будете один. Но вы, видно, девушке сумку помогли нести... Вот я и подумал: а вдруг это не вы?

– А, ну да, – согласился Рамиль.

– Ладно, пойдете к машине, на спецстоянку! – заторопился милиционер. – А я думаю: он, не он? Деваха-то красивая, еще и пацаненок рядом какой-то крутился...

И тут Рамиль понял, какое звено он упустил! Мальчишка, который нашел Диану, собирался получить у Петра вознаграждение, но исчез еще до того, как они подошли к незнакомцу. Рамиля будто ледяной водой окатили. Он понимал, что-то произошло, но что именно – ему было невдомек! Теперь парень был уверен: девушку эту он больше никогда не увидит. Да и по всему выходило, что он дурак последний! Дурак, потому что повелся, как мальчишка, на ласковые взгляды и слова! Ведь еще в Одессе, а потом в самолете она была неприступна. А потом ее словно подменили. Но зачем все это? Ответа на вопрос он пока не находил. Но рассказывать о произошедшем Рамиль совершенно точно никому не собирался. Никому и никогда!

Глава 8

Леня стоял в туалете московского аэропорта Шереметьево-2 в тот самый день, когда Рамиль Айзатулин прилетел в столицу. Часы показывали 14:24, когда в уборную вбежал Цыганенок, карманник с одесского Морвокзала.

– Ну? – быстро спросил Леня. – Удачно?

Цыганенок кивнул и протянул Лене ключ:

– Зива исполнила все как надо. Три хлопка – ключ в штанах. Я и сработал...

– Молодец! – похвалил его Леня. – Теперь пулей на вокзал! По дороге моргни Доллару. В Одессе увидимся.

Цыганенок кивнул и выбежал из туалета. План Лени пока шел без сбоев. Зива, играя роль неприступной красавицы, без труда подцепила на крючок курьера с диадемой. Вычислив, где именно незадачливый воздыхатель прячет ключ, она подала сигнал Цыганенку. А пацан крутился рядом и ждал, сколько раз Зива хлопнет. Один – ключ в сумке, два – в куртке, три – в штанах. Карманник тоже сыграл свою партию как по нотам. Ему не составило труда вытащить ключ из кармана и передать его, как и договаривались. Лени верно рассчитал: пока рядом с курьером будет находиться незнакомая девушка, встречающие его сотрудники милиции не подойдут. Ведь они ждут одного человека, а тут – влюбленная пара. Нужно было как можно дольше задержать их вместе. Роль Петра досталась Яше. Цыганенок теперь должен был подмигнуть Доллару, который стоял возле киоска с газетами – мол, все готово, – и уехать на вокзал, а оттуда уже отправиться в Одессу. Саша же, следуя условленному сигналу, подбежал к милиционеру, стоявшему на входе в камеру хранения, и, задыхаясь, протараторил, что на верхней стоянке на улице драка милиционеров с бандитами. Услышав это, мент сразу же помчался на выручку товарищам. До верхней стоянки было идти минут пять, а там ее еще и обойти надо было. Даже если мент добежит быстрее, все равно чистые десять минут у Лени были. Но теперь оставалось самое сложное.

Леня с Сашей зашли в камеру хранения. Оба были в кожаных перчатках, чтобы не оставлять отпечатки, тем более что оба и так уже числились в картотеке правоохранительных органов. Леня открыл небольшую сумку и вытащил оттуда счетчик Гейгера – Мюллера, аппарат для измерения уровня радиации.

Все было продумано до мелочей. Яша поговорил со своим дядей, работающим в Одесском политехническом университете, и тот достал им с кафедры атомной энергетики остекленные отходы с опытов, проводимых студентами. По сути, это были небольшие стеклышки. Мусор, который, однако, излучает радиацию. Не такую большую, чтобы привести к тяжелым последствиям, но достаточную для того, чтобы ее уловил счетчик. Потом Леня навестил старого Фишмана и попросил его положить документ для передачи курьеру в определенный пакет. Ювелир, конечно, мог обратиться к своей крыше, Флинту, но был слишком умен и не стал этого делать. Хитрый еврей знал: бандиты договорятся между собой, а он останется крайним. Да и потом... Ворон ничего у него не крал. Так что подумай, конверт! И Фишман сделал так, как сказал Леня, не обращая внимания на лежащие внутри крошечные стеклышки. Цыганенка Леня отправил вместе с Зивой, пообещав мальчику хороший куш. Сам же прилетел на день раньше. И вот теперь вместе с Сашей он шел вдоль железных ящиков, не отводя глаз от счетчика. Не успели они пройти и трех шагов, как стрелка на шкале резко дернулась. Друзья остановились. Леня аккуратно подносил счетчик к каждой ячейке. Возле номеров 55, 57 и 58 стрелка показала самый большой результат. Убрав счетчик, Одессит быстро достал ключ и, вставив его в замок 57-й ячейки, медленно повернул. Замок поддался. Открыв ячейку, ребята вытащили на свет два конверта. Счетчик с сумкой Леня забрал сам, конверты же отдал Саше со словами:

– Саня, ты москвич, легче проскочишь в случае чего. Цацка у тебя. Расходимся. Встретимся через час в гостинице «Россия».

– Добро, – ответил Доллар и, взяв конверты, спрятал их во внутренний карман куртки и пошел вперед.

Леня последовал за другом. Часы показывали 14:35. Теперь они все должны обратиться из аэропорта как можно скорее. Выйдя на улицу, Леня сел в такси, не обращая внимания на завышенную цену, и попросил водителя довезти его до ЦУМа. Сразу в гостиницу он ехать боялся: как бы не навести на свое убежище ментов! Вышел он на площади Свердлова, решив добраться до «России» пешком. Леня плохо знал Москву, точнее, не знал ее вообще, но сориентировался быстро. Найдя большую урну, выбросил туда сумку со счетчиком Гейгера – Мюллера, который уже был не нужен. Смотря по сторонам на спешивших куда-то людей и на массивные столичные здания, Леня прогулочным шагом дошел до гостиницы. Зайдя в восточный вход, он поднялся на седьмой этаж, в номер 709. Доллар и Яша уже сидели там.

– Сиплый, ты на кой вернулся? Надо было с Зивой вместе валить!

– Та перестань, – махнул рукой улыбающийся Яша. – Кому нужен такой бедный еврей, как я?

– Ну уже не такой и бедный, – усмехнулся Саша.

– Я всегда буду бедным, Саша, – возразил Сиплый. – Мне башли нужны, только шоб поесть да выпить... А дворцы нам ни к чему. Ни мне, ни тебе, Ворон, мы ж бродяги с Молдаванки.

– Хорош философствовать, – ухмыльнулся Леня. – Открывай, Доллар! Глянем, шо утащили, и сразу уносим отсюда ноги!

Саша открыл толстый конверт. Посередине пачки скрепленных друг с другом плотных листов было вырезано отверстие, в котором лежало завернутое в шелковую материю украшение. Когда друзья достали и развернули сверток, их взору предстала неопишуемой красоты диадема, вся усыпанная бриллиантами. Даже будучи людьми, не разбирающимися в ювелирных украшениях, молодые люди застыли от восторга. Это была очень красивая и, сразу видно, безумно дорогая вещь.

– Ксивы где, Доллар? – без предисловий спросил Леня.

– Я конверт выкинул с радиацией. – Саша достал из куртки лист бумаги. – А ксива вот!

Леня взял бумагу, на которой был напечатан текст и стояло несколько печатей. Он прочитал написанное про себя и, ошеломленный, передал Яше со словами:

– Вы не представляете, шо это за цацка! Корона российской императрицы, которую сделал Болин в 1900 году. Гриня был прав... А я думал, он гонит!

Яша внимательно изучил документ и присвистнул:

– Фишман таких бумажек сделает сколько хочешь.

– Может, бумажка и левая, – отозвался Саша, – но эта вещь – подлинник. Она кучу денег стоит.

Закурив папиросу, Леня сказал:

– Значит, делаем так. Доллар, клиент твой не паленый?

– Нет, конечно, Леня! – возмутился Саша. – Он иностранец. Немец.

– Пока придержи коней, – скомандовал Леня. – Эту цацку будут искать все мусора Союза. Надо ее затарить на полгода... минимум! А то нас вязанут.

– Первой шерстить Одессу будут, – согласно кивнул Яша.

– Это точно, – поддержал друга Леня. – Пусть пройдет время, потом, Доллар, свидимся, договоримся с немецким фармазоном... и продадим ему цацку!

– Братва, – начал Саша, – я сделаю, как скажешь, Одессит, но, может, все-таки не стоит столько ждать? Перекантуемся месяцок, а в июне как раз немец приедет в Москву...

– Погоди, – остановил его Ленья. – Давай посмотрим до июня, там видно будет. У тебя есть где затарить цацку?

– Обижает, – ухмыльнулся Саша. – Конечно есть! На всякий случай... ну, вдруг что со мной случится или что... цацку я затарю у матери своей... в деревне Свирица, на Ладого. Туда ни один мусор не сунется, и все будет в сохранности. Я отвечаю.

– Добро, – кивнул Ленья. – Сегодня отметим окончание дела, спокойно посидим где-нибудь, выпьем. Пока цацку на хату к себе отвези. Встретимся через три часа внизу.

– Ворон, мы пустые, – тут же влез Яша. – Нам стрелять нечем почти. У меня червонец остался всего! У Зивы башлей было немного, но она в Минск уже едет.

– Деньги у меня есть, братва, все нормально, – успокоил друзей Саша.

Но Яша, не обратив внимания на его слова, продолжал гнуть свое, обращаясь к Лене:

– Давай делюгу вымутим какую-нибудь? Мы тут на гастролях... Москва вокруг, башлевых полно. Отработаем – и домой.

– Предложения есть? – спросил у него Ленья.

– Та шо мы не найдем кого отработать? – усмехнулся Сиплый. – Нам как-то жить надо! Пока цацку не пихнем...

– Так-то ты прав... – задумчиво протянул Ленья. – Только вот сцапать нас тут мусора могут.

– А шо, в Одессе не могут?! – воскликнул Яша. – Мы шо там на заводе работаем?

– Братва, послушайте меня, – вмешался в разговор Саша. – Не парьтесь, тут полно дел. Есть места, где много чего ценного неправильно лежит.

– Так шо ты сам не возьмешь? – с усмешкой спросил Ленья.

– Так я не крадун... Одессит, ты же знаешь меня, я коммерсант. Красть – не мое! Не получается у меня это...

– А мы шо? – недовольно насупил Яша. – Тоже ж не ворует! Просто свое забираем.

– Ша, – встал Ленья. – Расход! Надо отдохнуть. Вечером поботаем.

Друзья разошлись, и Ленья остался один. Он зашел в ванную, принял душ, смыв с себя московскую пыль. Обмотавшись полотенцем, Ленья сел на кровать и закурил папиросу. После тюрьмы он так и не смог привыкнуть к сигаретам, предпочитая «Беломорканал» или «Казбек». На душе было странно пусто. Ворон не мог сам себе этого объяснить. Вроде все прошло нормально. Они так удачно урвали такой куш. Почему же радости нет?! Может, из-за того, что Зива уехала? Но ей нельзя было оставаться в Москве. Вдруг искать будут? И она поехала переждать пару недель в Минске. На самом деле Ленья Зиву не любил, как, бывает, мужчина любит женщину, но к этой бестии был как-то странно сильно привязан. Ему красotka была скорее другом, чем любовницей. Хотя какая женщина может быть другом вору? По сути никакая! Ведь все знают, что женщинам доверять нельзя. А такой жучке, как Зива, тем более. Правда, она-то его любит, он это точно знал. Любит именно так, как женщина любит своего единственного мужчину. Ленья замечал не раз, как красotka смотрит на него, как улыбается. Он понимал: она ему предана настолько, насколько это вообще возможно. Тем не менее портить деловые отношения не хотел, поэтому Зива останется просто жучкой.

Докурив папиросу и затушив окурок в пепельнице, Ленья лег на кровать. От усталости ломило тело, но сон не шел. В голове роились беспорядочные мысли. Перед отъездом Ворон поменял паспорт, изменив фамилию с Раппопорта на Зеленский. Фамилия матери ему нужна была для того, чтобы при покупке билета на самолет не вызвать интерес милиции. Ведь Ленья Раппопорт был бандит, а Ленью Зеленского никто знать не знал. Но была у Ворона еще одна мысль, которая не покидала его последний год. Ленья думал о брате, о Соломоне, который был не такой, как он, или Яша, или большинство евреев с Молдаванки. Моня был умным и перспективным. И у Ворона не было сомнений: рано или поздно брат взлетит высоко. Будет жить в Москве или в Киеве, будет иметь большой дом, ездить на хорошей машине с водителем.

А тут брат-урка... Нет! Соломону мешать нельзя. Наоборот, для Лени брат был самым дорогим человеком на свете, конечно, после матери. И во что бы то ни стало он собирался помочь младшему выбиться в люди. Деньги, полученные от продажи диадемы, станут для младшего подъемными. Полученный куш он потратит на покупку хорошей должности для брата, а дальше пусть пробивается наверх. Соломон достоин всего самого лучшего! А сам Леня? Да что ему, много надо? Леня ухмыльнулся и подумал, ведь ему действительно не нужно многого. Его вполне устраивает жизнь на Молдаванке, в своем родном дворе. Да что там говорить, шикарно он живет! Ест в ресторанах, пользуется уважением, носит дорогую одежду... А самое главное, он свободен! Ему не нужно просыпаться рано утром, идти работать на дядю, ждать зарплату... Нет, это не его жизнь. Он вор – и точка! Конечно, на зоне было несладко, но выбор уже давно сделан. Это его жизнь, и если надо будет сесть опять, он сядет. Главное, чтобы Соломон устроился, женился и завел детей. А Леня будет со стороны смотреть на брата, гордиться им и радоваться его успехам. Это и есть его счастье! Счастье бродяги и вора с Молдаванки...

Леню разбудил стук в дверь. Подскочив с кровати, он подошел и осторожно повернул замок. На пороге стояли Саша и Сиплый.

– Ворон! Ты шо, кемаришь еще?

– Да... крепко, видать, заснул, – потирая глаза, ответил Леня. – Заходите, я соберусь сейчас!

Спустя час друзья уже сидели в ресторане гостиницы «Советская». Они специально не остались веселиться там, где жили, а уехали подальше, на Ленинградский проспект, чтобы в случае чего можно было тихо уйти.

Это был один из самых старых и помпезных ресторанов столицы, в котором бывали Чехов, Шаляпин, Куприн и многие другие известные люди. Сейчас же в большом зале ресторана за накрытым белоснежной скатертью столиком сидели наши герои. Вокруг было не протолкнуться, но люди еще приходили. Время было около восьми вечера, на улице, которую хорошо было видно через огромные окна ресторана, только начало темнеть. На сцене танцевали и пели цыгане. Саша, который сегодня приглашал друзей, заказал бутылку водки «Московская», осетрину горячего копчения, свежие овощи, соленья, жульены и запеченного гуся. Он дружелюбно улыбался, и вечер обещал быть веселым. Леня же, несмотря на хорошее настроение друзей, все равно был не в духе. Какое-то странное дурное предчувствие мешало расслабиться. Яша сразу заметил настроение друга и, прищулив глаз, воскликнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.